

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКУ

3-2025

Главный редактор: Коваль Е.А. (Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Саранск, Россия)

Редакционная коллегия:

Беляева Е. В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь);

Жадунова Н. В. – кандидат философских наук, главный научный сотрудник ГКУ Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (НИИГН);

Зимбули А. Е. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;

Каминский А. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики и судебных экспертиз Удмуртского государственного университета;

Кулешова Г. П. – доктор социологических наук, профессор, директор Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Логинов А. В. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Осмонова Н. И. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, Киргизская (Кыргызская) Республика);

Подольный Н. А. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Романовский Г. Б. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Саликжанов Р. С. – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан);

Спринчан С. Л. – доктор хабилитат политических наук, доцент, ученый секретарь Института юридических, политических и социологических исследований (г. Кишинев, Республика Молдова);

Суслов И. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии;

Сычев А. А. – доктор философских наук, профессор, независимый исследователь;

Ушкин С. Г. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»;

Федосеев Р. В. – доктор исторических наук, доцент, директор Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Фофанова К. В. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Чекушкина Е. Н. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Шатино Л. Г. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии;

Шигуров А. В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Юрченкова Н. Г. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске.

Периодичность: 4 раза в год. Выходит с 2019 года. До 2021 года журнал выходил под названием «Российский хороший журнал».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:
ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Адрес редакции: Российская Федерация, 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, д.6
e-mail: snpractice13@gmail.com;
сайт: <https://snpractice.ru/>

Editor-in-Chief: Ekaterina A. Koval (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia

Editorial Board:

Elena V. Belyaeva (Belarusian State University), Minsk, Belarus;

Natalya V. Zhadunova (Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia), Saransk, Russia;

Andrey E. Zimbuli (Herzen State Pedagogical University of Russia), St. Petersburg, Russia;

Alexander M. Kaminsky (Udmurt State University), Izhevsk, Russia;

Galina P. Kuleshova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Alexander V. Loginov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Nurgul I. Osmonova (Kyrgyz-Russian Slavic University), Bishkek, Kyrgyzstan;

Nikolay A. Podolny (Kazan Law Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Kazan, Russia;

Georgy B. Romanovsky (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Rinat S. Salikzhanov (L.N. Gumilyov Eurasian National University), Astana, Kazakhstan;

Sergey L. Sprinchan (Institute of Legal, Political and Sociological Research, The Academy of Sciences of Moldova) Kishinev, Moldova;

Ivan V. Suslov (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;

Andrey A. Sychev (Independent Researcher), Saransk, Russia;

Sergey G. Ushkin (Scientific Centre for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia), Saransk, Russia;

Roman V. Fedoseev (Kaluga Law Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Kaluga, Russia;

Katerina V. Fofanova (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;

Elena N. Chekushkina (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Ludmila G. Shapiro (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;

Alexander V. Shigurov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Nina G. Yurchonkova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia.

Founder: All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Publisher: Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Frequency: 4 times per year

First issue: 2019. Until 2021, the journal was published under the name «Russian Good Journal».

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. EL № FS 77 — 74637 on December 24, 2018

Editorial address: 6 Fedoseenko Str., Saransk 430003, Russian Federation
e-mail: snpractice13@gmail.com;
website: <https://snpractice.ru/>.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ: МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

- Балакирев Н.В.* Теоретико-методологические основы и современные тенденции этнокультурной идентичности мордовского народа в Республике Мордовия (по данным всероссийской переписи населения 2020 года) 7

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Шигуров А.В.* Проблемы правового регулирования предмета судебного контроля за производством следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ 22

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

- Адышкина П.Р., Голованова К.Н.* К вопросу о расширении функции уголовного преследования российской прокуратуры 35
- Веселова А.О., Стрелкова А.А.* Deepfake как вызов правосудию: как прокурор обеспечивает законность в эпоху синтетической реальности 44
- Кожанов А.С.* Задачи и значение судебно-баллистической экспертизы в расследовании преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия 55

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES: YOUNG SCIENTISTS

<i>Balakirev N.V.</i> Theoretical and Methodological Framework and Current Trends in Ethnocultural Identity of the Mordovian People in the Republic of Mordovia (Based on the 2020 All-Russian Population Census)	7

LEGAL SCIENCES

<i>Shigurov A.V.</i> Problems of Legal Regulation of the Subject of Judicial Review of Investigative Actions under Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation	22

LEGAL SCIENCES: YOUNG SCIENTISTS

<i>Adyshkina P.N., Golovanova K.N.</i> The Expansion of the Criminal Prosecution Function of the Russian Prosecutor's Office	35
<i>Veselova A.O., Strelkova A.A.</i> Deepfake as a Challenge to Justice: How the Prosecutor's Office Ensures Legality in the Era of Synthetic Reality	44
<i>Kozhanov A.S.</i> Objectives and Significance of Forensic Ballistics Examination in the Investigation of Firearm-Related Crimes	55

УДК 39

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-07-21

Н. В. Балакирев

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, email: n.balackirev@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОРДОВСКОГО НАРОДА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ (ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2020 ГОДА)

В условиях глобализации и разнообразия межэтнических взаимодействий проблема сохранения и трансформации этнокультурной идентичности малых народов России приобретает особую значимость. Мордовский народ, являясь вторым по численности этносом в Республике Мордовия, переживает сложные процессы изменения ключевых маркеров идентичности. Анализ этих процессов с опорой на актуальные эмпирические данные, такие как материалы Всероссийской переписи населения 2020 года, необходим для выработки адекватной государственной и региональной политики в сфере межэтнических отношений, а также для развития теоретической базы отечественной этносоциологии.

В данной статье представлен комплексный анализ динамики этнокультурной идентичности мордвы в Республике Мордовия через призму основных теоретических подходов и данных Всероссийской переписи населения 2020 года.

Методологической основой исследования являются основные теоретические подходы к изучению этничности: примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. Эмпирическую базу составили официальные данные Всероссийской переписи населения 2020 года, а также вторичный анализ данных социологических исследований, опубликованных в научных изданиях. В работе применялись методы сравнительного анализа, структурного подхода к идентичности и интерпретации статистических данных.

Этнокультурная идентичность представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, отражающий осознание индивидом или группой принадлежности к определенному этносу через призму таких характеристик, как знание языка, традиций, исторической памяти и наличие ценностных установок. Для мордвы – финно-угорского народа, исторически проживающего на территории современной Республики Мордовия, проблема сохранения и трансформации этнокультурной идентичности приобретает особую актуальность в условиях современной глобализации, урбанизации и интенсивной межэтнической коммуникации, когда «стираются» национальные границы между различными народами.

Ключевые слова: этническая идентичность, мордва, Республика Мордовия, Всероссийская перепись населения 2020, примордиализм, инструментализм, конструктивизм, мокшанский язык, эрзянский язык.

Ссылка для цитирования: Балакирев Н.В. Теоретико-методологические основы и современные тенденции этнокультурной идентичности мордовского народа в Республике Мордовия (по данным Всероссийской переписи населения 2020 года) // Социальные нормы и практики. 2025. № 3. С. 7-21. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-07-21.

N. V. Balakirev

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, email: n.balackirev@yandex.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FRAMEWORK AND CURRENT TRENDS IN ETHNOCULTURAL IDENTITY OF THE MORDOVIAN PEOPLE IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA (BASED ON THE 2020 ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS)

In the context of globalization and various interethnic interactions, the issue of preserving and transforming the ethnocultural identity of Russia's small-numbered peoples is becoming particularly important. The Mordovian people, the second largest ethnic group in the Republic of Mordovia, are undergoing complex processes of change in key markers of ethnocultural identity. An analysis of these processes based on current empirical data, such as data from the 2020 All-Russian Population Census, is necessary for the development of adequate state and regional policies in the field of interethnic relations, as well as for the development of the theoretical basis of domestic ethnosociology.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the dynamics of Mordvin ethnic and cultural identity in the Republic of Mordovia through the prism of key theoretical approaches and data from the 2020 All-Russian Population Census.

The methodological basis of the study is the main theoretical approaches to the study of ethnicity: primordialist, instrumentalist, and constructivist approaches. The empirical basis consists of official data from the 2020 All-Russian Population Census, as well as secondary analysis of data from sociological studies published in scientific journals. The study employs methods of comparative analysis, a structural approach to identity, and statistical data interpretation.

Ethnocultural identity is a complex, multi-component phenomenon that reflects an individual's or group's awareness of belonging to a particular ethnic group through the prism of characteristics such as knowledge of language, traditions, historical memory and values. For the Mordvins, a Finno-Ugric people historically inhabiting the territory of the modern Republic of Mordovia, the problem of preserving and

transforming ethnocultural identity is becoming particularly relevant in the context of globalization, urbanization and intensive interethnic communication, when national borders between different peoples are becoming blurred.

Keywords: ethnic identity, Mordovians, Republic of Mordovia, 2020 All-Russian Population Census, primordialism, instrumentalism, constructivism, Moksha language, Erzya language.

For citation: Balakirev N.V. (2025) Theoretical and Methodological Framework and Current Trends in Ethnocultural Identity of the Mordovian People in the Republic of Mordovia (Based on the 2020 All-Russian Population Census). *Social norms and practices. No. 3. P. 7-21*. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-07-21.

Теоретические подходы к изучению этничности

Существуют некоторые теоретические подходы к изучению этнической идентичности. В научной литературе этническая идентичность рассматривается в качестве одного из компонентов социальной идентичности или как ее разновидность [Шергалиева, 2014: 208].

Понятие «идентичность» впервые встречается в работах Э. Эриксона [Erikson, 1968]. Эриксон считается родоначальником комплексной теории идентичности в современных гуманитарных науках. Первоначально социальная идентичность изучалась в рамках психоанализа, однако постепенно трансформировалась для использования в социологической науке [Джигоева, 2020: 4].

Также под авторством Эриксона вводится понятие «множественной идентичности» [Ibid.]. Оно выражалось в чувстве перманентной самоидентичности, которое основывается на формировании личностью целостного образа своего собственного «Я». Этот образ является внутренне многозначным и неразрывно связан со всеми социальными связями и отношениями личности. Изменение этой целостности приводило на психическом уровне к утрате своей целостности и к раздвоению личности [Волков, Курбатов: 203].

Этничность в постсоветских социальных науках представляет собой сложный синтез традиционных концепций, унаследованных из советской науки, теоретических концепций, которые были заимствованы из социологической науки других стран (прежде всего западных) и новых оригинальных концепций, сформированных в российской науке после распада СССР.

В постсоветской науке выделяются три основных подхода к изучению этничности: примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский¹ [Тишков, Шабаев, 2001: 33].

¹ См. Таблицу 1.

Таблица 1. Основные теоретические подходы к изучению этничности

Подход	Основная идея	Представители
Примордиализм	Этнос как объективная данность, историческая общность	Ю. В. Бромлей
Инструментализм	Этнос как ресурс для мобилизации	Л. М. Дробижева, М. Н. Губогло
Конструктивизм	Этнос как социальный конструкт	Р. Брубейкер, Ф. Барт, В. А. Тишков, Ю. П. Шабает, Э. А. Паин

Советская этнографическая школа базировалась на подходе примордиализма. В этом подходе этнос возникает под влиянием объективных факторов, как природное образование, которое возникло исторически. Понятие «этноса» является централизующим для создания теорий. Ю.В. Бромлей, один из ведущих теоретиков, вводит такие термины по отношению к этносу, как «этносоциальный организм» (ЭСО) и «этникос» [Бромлей, 1973: 127].

ЭСО – это одна из форм существования этноса, которая формируется при вхождении в состав одного из классовых образований, на современном этапе этим образованием является государство (более ранее – племена). Под «этникосом» понимается некое стабильное ядро этноса, которое сохранялось на протяжении всей истории в совокупности культурных элементов, языка, норм поведения, материальный культуры и этнического самосознания. Этникос выражает этнокультурное единство народа независимо от места его проживания [Рыбаков, 2001: 10].

В 1990-е гг. изучение этничности в постсоветском пространстве характеризовалось переходом от советских концептуальных решений к использованию западных концепций, таких как конструктивизм и инструментализм. Конструктивизм стал наиболее влиятельным направлением в постсоветской этносоциологии.

В социологической науке конструктивистский подход к изучению организаций был подробно изложен в работах Роджерса Брубейкера. Согласно подходу Брубейкера, традиционный анализ общественных организаций через призму этнических групп требует существенной переоценки [Брубейкер, 2012: 22-23]. Он критикует тенденцию к овеществлению групп, когда организации рассматриваются, как монолитные, внутренне однородные образования с четко очерченными границами. Вместо этого он предлагает сосредоточиться на изучении процессов категоризации, идентификации и групповой динамики, где организации выступают не как статичные сущности, а как результат определенных социальных практик и взаимодействий. Иначе говоря, в анализе

организаций важно применение конструктивистского подхода [Брубейкер, 2012: 28-29].

Реальными действующими лицами выступают не абстрактные группы, а конкретные организации: государственные институты, политические партии, этнические ассоциации и другие формальные структуры. При этом важно различать организации и группы, которые они якобы представляют – именно организации, обладающие ресурсами и структурой, способны к организационным действиям [Брубейкер, 2012: 33-37].

В российской социологической науке конструктивистский подход представлен, например, исследованиями В.А. Тишкова, где этничность рассматривается как продукт социальных практик и дискурсов [Тишков, 2003: 255].

Тишков отмечает, что этничность стала пониматься не как данность, а как форма социальной организации культурных различий, формируемая через взаимодействие внутренних самоидентификаций и внешних категоризаций. Этот поворот отражал влияние конструктивизма, представленного работами Ф. Барта, который подчеркивал роль социальных практик в поддержании этнических границ [Этнические группы, 2006: 17].

Еще одним российским ученым, внесшим свой вклад в данном направлении изучения этничности, является Э.А. Паин. Его подход к изучению этничности представляет собой умеренный конструктивизм. Он рассматривает этничность как социокультурный феномен, основанный на воображаемом и мифологизированном представлении об общем происхождении и истории, где ключевую роль играет групповое самосознание (идентичность), фиксируемое в самоназвании (этнониме) [Паин, 2024: 11].

При этом Паин критикует радикальный конструктивизм (например, позицию В.А. Тишкова), отрицающий реальность этносов и сводящий их к чисто умственным конструкциям [Паин, 2024: 17]. Он полагает, что, будучи отчасти сконструированной, этническая общность обретает объективную социальную значимость, что подтверждается статистикой, законодательством и устойчивыми практиками идентификации [Паин, 2024: 13-14].

В его трактовке этнос является прежде всего формой культурного самоопределения группы, которая, несмотря на элементы социального конструирования, выступает реальным фактором общественной жизни [Паин, 2024: 21].

Ю. П. Шабает также внес определенный вклад в разработку конструктивистского подхода в социологии. В своих работах он исследовал современные этнические процессы в Коми и проводил сравнительное изучение этнокультурной ситуации в Коми-Пермяцком автономном округе [Шарапов, 2022: 43].

В центре внимания Шабаета – антропология города и в первую очередь антропология северных и арктических городов. Интерес к этнографии/антропологии города появился еще в начале 1990-х гг., когда появились первые серьезные публикации на эту тему [Шабает, 1989: 172].

Еще одна важная черта исследований Шабаева – изучение региональной политики в России, региональных движений, включая националистические и радикальные течения, в том числе и в среде финно-угорских народов [Шабаев, Садохин, 2012: 66]

Другой подход к изучению этничности – инструменталистский. Он интерпретирует этничность как ресурс политической мобилизации. В постсоветской социологической науке это направление связано с анализом этнополитических конфликтов. Исследования Л.М. Дробижевой и М.Н. Губогло показывают, как этническая идентичность используется для легитимации власти или получения доступа к ресурсам.

Дробижева подчеркивает в своих исследованиях, что политики могут успешно использовать этнические чувства для политической мобилизации, приводя примеры на почве антимигрантских настроений. Инструментализм часто критикуют за редукционизм: сведение сложных идентичностей к рациональному выбору, игнорируя их эмоциональную и культурную глубину [Дробижева, 2010: 434].

Губогло в своих исследованиях придерживается инструменталистского подхода к изучению этничности, рассматривая ее как динамический феномен, который сочетает в себе как объективные (примордиальные) черты, так и субъективные (конструктивистские) интерпретации. Автор подчеркивает, что этничность следует понимать через диалектику «истины» (объективной реальности) и «правды» (субъективного восприятия), что позволяет преодолеть ограниченность крайних теоретических позиций [Губогло, 2017: 6-7]. В качестве примера инструменталистского анализа он приводит исследование художественной литературы и живописи, где этничность раскрывается через образы, сочетающие реальность и индивидуальное воображение [Губогло, 2017: 14].

Губогло прямо указывает, что его позиция близка к инструментализму, поскольку он рассматривает этничность как средство социальной адаптации и идентификационной практики [Губогло, 2017: 60-61].

К началу 2000-х гг. сформировались оригинальные подходы, учитывающие историческую память, трансформацию идентичностей и роль государства в этнополитических процессах. Особое значение имеет мультикультуризм. Появляются новые концепции, такие как концепция «гражданской нации», изложенная впервые в работах В. А. Тишкова. Эта идея продолжает свое развитие и в современности, например, в диссертации И. Н. Тимофеева. В ней реализуются ключевые либеральные принципы гражданской нации: национальное и культурное многообразие, языковой плюрализм, равенство всех граждан перед законом независимо от этнической («национальной») принадлежности [Тимофеев, 2006: 7].

Из всех рассмотренных теоретических подходов к изучению этничности наиболее влиятельным направлением стал конструктивистский подход. Он позволяет объяснить гибкость идентичностей в условиях мультикультурных

обществ и роль СМИ, образования и государственной политики в их формировании.

Постсоветские социальные науки демонстрируют динамичное развитие теоретических подходов к этничности. Отказ от догм советской этнографии, интеграция западных концепций и внимание к локальным контекстам позволили сформировать многомерную методологическую базу исследований этничности.

Современное состояние этнокультурной идентичности мордвы (по данным Всероссийской переписи 2020 года)

Стоит отметить, что перепись населения 2020 года проводилась во время пандемии COVID-19, поэтому данные могут быть недостаточно объективными по количеству и соотношению этнических групп, что было отмечено В. А. Тишковым¹.

По результатам переписи населения численность населения Республики Мордовия составила 783 552 человек². Мордва составляет 37 % жителей республики (290 750 человек³), что делает ее вторым по численности этносом региона после русских. Однако количественные показатели не всегда отражают реальную этническую самоидентификацию.

Анализ данных Всероссийской переписи населения 2020 года позволяет не только констатировать количественные изменения, но и выявить качественные сдвиги в структуре этнокультурной идентичности мордвы. Люди по-разному указывали свою этническую принадлежность, обозначая себя, как «мордва», «эрзя» или «мокша».

Детализация этнического самосознания стала важным аспектом переписи. Была предоставлена возможность более точного учета внутригруппового разнообразия мордовского народа: отдельно фиксировались мокша (9 155 человек) и эрзя (38 892 человека). Это позволило выявить, что около 17 % лиц, отнесших себя к мордве, уточнили свою принадлежность к одной из этих субэтнических групп⁴.

¹ Игнатова О. Как менялась численность населения России в последние десятилетия // Российская газета. 2023. URL: <https://rg.ru/2023/02/26/v-bolshinstve-svoem.html> (дата обращения: 12.12.2025).

² Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 1. «Численность и размещение населения» Таблица 5. Численность населения России, федеральных округов, субъектов российской федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более. М.: Росстат, 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-5_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 12.12.2025).

³ Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. «Национальный состав населения» Таблица 1. М.: Росстат, 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 12.12.2025).

⁴ Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 9. Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным

Если рассмотреть состояние в процентном соотношении, то нельзя сделать выводы об уменьшении или увеличении доли мордовского населения в Республике Мордовия: соотношение между русским, мордовским и татарским населением остается стабильным. С другой стороны, необходимо учитывать, что в последние десятилетия происходит уменьшение населения республики в целом (с 963 504 человек в 1989 г. [Логинава, 2008] до 762 392 человек в 2025 г.¹), из-за чего уменьшается количественный состав всех этнических групп.

Формирование этнической идентичности происходит под влиянием нескольких значимых факторов: язык, религия, культура, урбанизация и влияние семьи на формирование этнического самосознания (рис. 1).

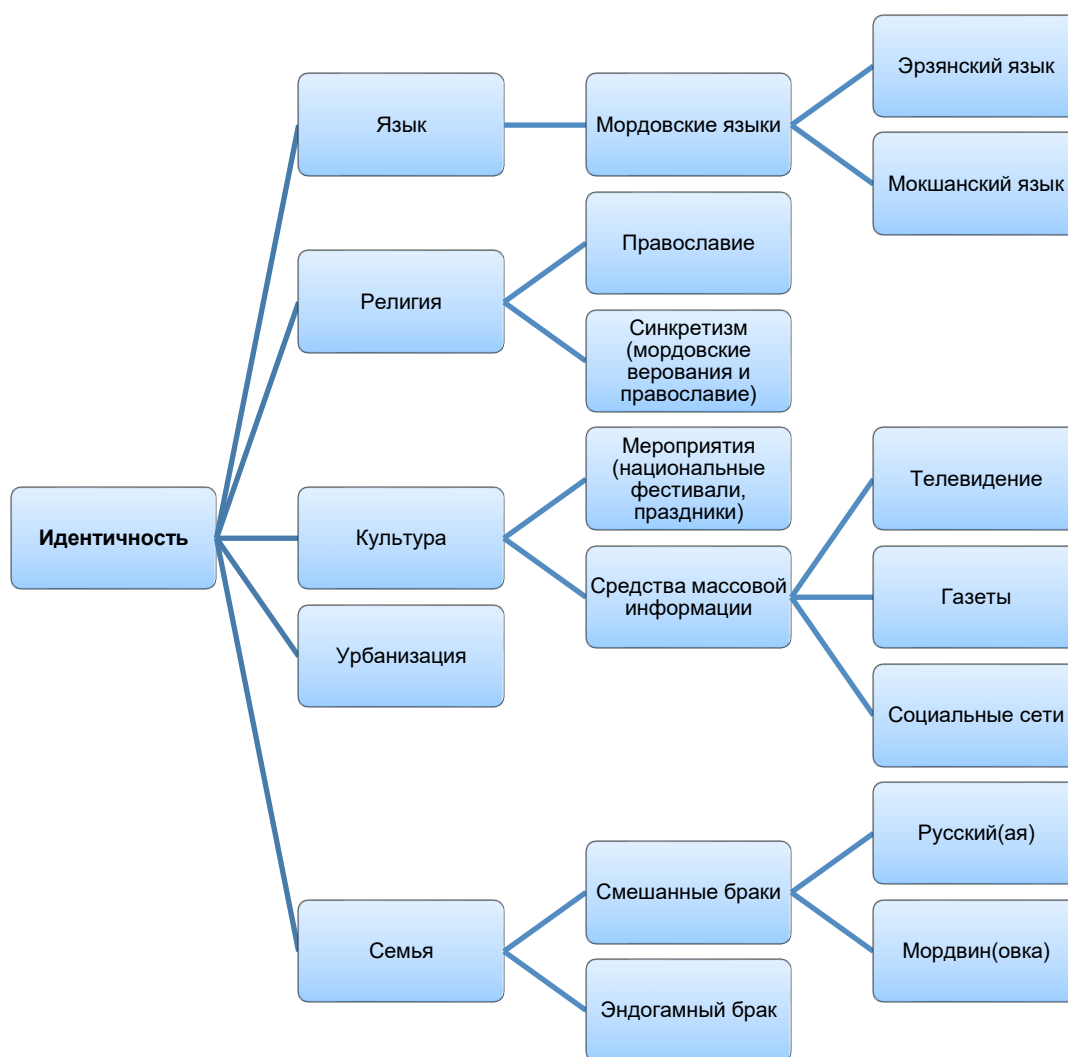

Рис. 1. Факторы формирования мордовской идентичности

группам, полу и состоянию в браке. М.: Росстат, 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab9_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 12.12.2025).

¹ Федеральная служба государственной статистики. Демография. Таблица «Численность постоянного населения в среднем за год». URL: <https://showdata.rosstat.gov.ru/report/278930/> (дата обращения: 12.12.2025).

Согласно последним социологическим исследованиям, фиксируют неоднозначную динамику: с одной стороны, сохраняется устойчивый пласт этнокультурных практик (календарные обряды, фольклор, национальная кухня), с другой – наблюдается постепенное «размывание» языкового компонента.

Согласно исследованиям НЦСЭМ за 2024 год, более чем в 90 % случаев общение в публичных местах происходит на русском языке и только лишь в 9 % – на мордовских языках (мокшанском и эрзянском) [Республика Мордовия глазами социологов, 2024: 280] (рис. 2).

Рис. 2. Использование языков в общественных местах (2024 г.)

При этом реальная языковая практика еще более ограничена: доля населения, использующего эти языки сейчас, не превышает 23 %, причем основными носителями являются представители старшего поколения в сельской местности¹.

Одним из наиболее тревожных трендов, выявленных переписью, является продолжающееся сокращение числа носителей мокшанского и эрзянского языков. Если в 2010 г. родными мордовские языки называли 55 % мордвы республики, то в 2020 г. этот показатель снизился до 43 % [Богатова, 2009: 95].

Данная ситуация является ярким примером того, как внешние социально-экономические факторы (повсеместное распространение русского языка в публичной сфере и урбанизация) воздействуют на ключевой маркер этничности,

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 4. Владение языками населением разных возрастных групп. М.: Росстат, 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 12.12.2025).

что находит объяснение в рамках конструктивистского подхода. Язык перестает быть практическим инструментом и зачастую превращается в символический ресурс, элемент «культурного наследия».

Еще одним фактором идентичности остается религиозная составляющая. Традиционно мордва исповедует православие. Согласно исследованиям О. А. Богатовой, 42 % респондентов считают, что именно религия сближает их с представителями своей национальности [Богатова, 2011: 117]. Однако в религиозном сознании некоторой части представителей мордвы сохраняются дохристианские элементы, проявляющиеся в обрядах, связанных с древними мордовскими верованиями.

Хотя перепись не включает вопросы о вероисповедании, можно с уверенностью сказать, что для мордвы православие является значимым элементом групповой идентичности, при этом отмечается синкретизм религиозных практик, сочетающих христианские обряды с элементами традиционных верований, что выражается в некоторых отличиях празднований православных праздников¹.

Не менее важен и культурный фактор. Особую роль в поддержании идентичности играют различные институты – национально-культурные объединения, музеи, образовательные программы [Барбашин, 2016: 114].

В Республике Мордовия действуют центры мокшанской и эрзянской культуры, проводятся фестивали («Шумбрат», «Масторава»), издаются периодические издания на мордовских языках. Однако их влияние существенно ограничено: лишь небольшая часть молодежи в возрасте 18–35 лет регулярно посещают этнокультурные мероприятия. Это указывает на разрыв между формальными усилиями по сохранению наследия и реальными интересами молодого поколения.

Однако, нельзя говорить об угрозе «исчезновения» мордовского культуры. Постепенно фиксируется рост интереса к этнической истории среди представителей «среднего» поколения (35–55 лет), что связано с усилением регионального патриотизма и поиском устойчивых ориентиров в условиях социальных изменений. При участии Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации (АФУН РФ) в настоящее время проводятся мероприятия, направленные на сохранение исторической памяти, увековечивание финно-угорских героев Великой Отечественной войны и СВО (специальной военной операции)². Можно предположить, что интерес к мордовской культуре в дальнейшем будет вызывать больший интерес и у молодежи, так как современная государственная политика направлена, в первую очередь, на развитие патриотизма среди молодого поколения.

¹ Сезонные обряды и праздники мордвы. // Зубова Поляна. Республика Мордовия. Историко-этнографический сайт. URL: <https://zubova-poliana.narod.ru/history-tradition-earth.htm> (дата обращения: 12.12.2025).

² Наши Герои СВО. Ассоциация финно-угорских народов РФ: сайт. URL: <https://afunrf.ru/nashi-geroi-svo/> (дата обращения: 12.12.2025).

Урбанизация трансформирует этнокультурную идентичность. В городах (Саранск, Рузаевка) мордва чаще идентифицирует себя через гибридные формы – сочетание этнических символов с общероссийскими и глобальными культурными кодами. Традиционный мордовский костюм функционирует преимущественно в празднично-обрядовой сфере через фольклорные коллективы, сочетая этнические символы с современными культурными элементами, например, использование элементов национального костюма в современной моде или адаптация традиционных мотивов в дизайне. Национальная кухня мордвы в диаспоральных регионах заимствует элементы соседних народов, что отражает адаптацию этнических традиций к общероссийскому культурному контексту. Рост межнациональных браков способствует взаимопроникновению культур, снижая этническую нагрузку базовых признаков, но обогащая общероссийский культурный код [Лузгин, 2020: 104-105].

Такая «гибкая идентичность» позволяет сохранять связь с корнями без отказа от интеграции в мультикультурное пространство.

Семейно-брачная сфера, согласно статистическим данным переписи, также претерпевает изменения. Уровень браков среди мордвы в республике остается стабильно высоким – около 55 %. В таких семьях, как показывают исследования, процесс этнической самоидентификации детей становится гибким и ситуативным, достаточно часто не происходит окончательного разделения на конкретный этнос, если брак, например, межэтнический¹.

Согласно исследованию А.Д. Коростелева, на это влияют различные факторы, такие как выбор национальности отца или матери, престижность русской идентичности либо демографическое преобладание одной из групп в селении. В современных условиях все чаще встречается отказ от указания национальности детей в документах, что отражает нежелание родителей фиксировать их жесткую этническую принадлежность. Процессы самоидентификации в смешанных семьях носят многовариантный характер и не сводятся к простому наследованию этничности одного из родителей [Коростелев, 2010: 33].

Зачастую выбор в пользу мордовской идентичности происходит в контексте укрепления регионального патриотизма или под влиянием образовательных и культурных программ, что иллюстрирует инструменталистский аспект идентичности, когда этничность может актуализироваться для достижения определенных социальных или психологических целей. Это порождает феномен «множественной

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 4. Владение языками населением разных возрастных групп. М.: Росстат, 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 12.12.2025).

идентичности»¹, когда человек переключается между разными культурными кодами в зависимости от социальной среды.

Заключение

Динамика этнокультурной идентичности мордвы носит противоречивый характер. С одной стороны, наблюдается ослабление языковых и религиозных практик, особенно среди молодежи. С другой – сохраняются механизмы культурной преемственности через символические формы, институты и переосмысление традиций в современном контексте.

Данные Всероссийской переписи населения 2020 года показывают сложную и многогранную картину. С одной стороны, объективные показатели по владению языками могут демонстрировать признаки ассимиляционных процессов, в которых самобытные мордовские языки могут оказаться под угрозой исчезновения. С другой – выявляются механизмы адаптации и трансформации идентичности.

Этничность мордвы все меньше зависит от объективных примордиальных признаков и все больше конструируется через символические практики и деятельность различных этнокультурных институтов. Это подтверждает ценность конструктивистской, а также и инструменталистской парадигм для анализа современных этнических процессов в поликультурных регионах России.

Ключевым вызовом остается поиск баланса между сохранением аутентичности и адаптацией к глобальным тенденциям, что требует комплексного подхода, включающего поддержку изучения мордовских языков (мокшанского и эрзянского) в школе, развитие этнокультурного туризма и вовлечение молодежи в креативные проекты на основе сохранения наследия традиционной культуры.

Список литературы (References)

1. Барбашин М.Ю. Институциональная теория этничности // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 112-127.
Barbashin M.Y. (2016) An Institutional Theory of Ethnicity. *Ethnographic Review*. No. 3. P. 112-127. (In Russ.).
2. Богатова О.А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования. 2011. № 8 (328). С. 114-122.
Bogatova O.A. (2011) Religious Identity and Religious Practices in Mordovia. *Sociological Studies*. No. 8 (328). P. 114-122. (In Russ.).
3. Богатова О.А., Карьгин А.И. Этническая идентичность и социальный статус мордовского населения республики Мордовия // Финно-угорский мир. № 1. 2009. С. 92-111.

¹ Понятие множественной идентичности, как отмечалось выше, ввел Э. Эриксон, который в рамках теории эгопсихологии сформулировал понятие психосоциальной идентичности.

Bogatova O.A., Kargin A.I. (2009) Ethnic Identity and Social Status of the Mordovian Population of the Republic of Mordovia. *Finno-Ugric World*. No. 1. P. 92-111. (In Russ.).

4. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. Москва: Наука, 1973.

Bromley Yu.V. (1973) Ethnos and Ethnography. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

5. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Brubaker R. (2012) Ethnicity without Groups / trans. by I. Borisova. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.).

6. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы // Социология. 2022. № 5. С. 202-212.

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. (2022) The Concept of Multiple Identity: Different Research Approaches. *Sociology*. No. 5. P. 202-212. (In Russ.).

7. Губогло М.Н. Этничность как истина и как правда. Опыт лексико-семантического исследования // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Москва: ИЭА РАН, 2017. Вып. 261. 69 с.

Guboglo M.N. (2017) Ethnicity as Truth and Veracity. An Experience in Lexical and Semantic Research. *Research in Applied and Urgent Ethnology*. Moscow: IEA RAS Publ. Issue 261. 69 p. (In Russ.).

8. Джигоева А.А. Теоретические подходы к изучению этнической идентичности // Образовательный вестник «Сознание». 2020. Т. 22. № 5. С. 4-8.

Dzhioeva A.A. (2020) Theoretical approach to the study of ethnic identity. *Educational Bulletin 'Consciousness'*. Vol. 22. No. 5. P. 4-8. (In Russ.).

9. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 429-442.

Drobizheva L.M. (2010) Ethnicity in Modern Society: New Approaches, Old Misconceptions, Social Practices. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 1. P. 429-442. (In Russ.).

10. Коростелев А.Д. Межэтнические браки в этнически смешанных селениях Приуралья и Поволжья (по материалам экспедиций 2006, 2007 и 2008 гг.) // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 22-34.

Korostelev A.D. (2010) Interethnic Marriages in Ethnically Mixed Settlements of the Ural Region and Povolzhie (the Data from 2006, 2007, and 2008 Field Expeditions). *Ethnographic Review*. No. 6. P. 22-34. (In Russ.).

11. Логинова Н.Н. Динамика численности населения республики Мордовия // Географический вестник. 2008. № 1. С. 22-31.

Loginova N.N. (2008) Population dynamics in the Republic of Mordovia. *Geographical Bulletin*. No. 1. P. 22-31. (In Russ.).

12. Лузгин А.С. Мордовский народ: проблема национально-культурной идентичности в Российской диаспоре // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 1. С. 102-106.

Luzgin A.S. (2020) Mordovian people: the problem of national-cultural identity of the diaspora in Russia. *Finno-Ugric World*. Vol. 12. No. 1. P. 102-106. (In Russ.).

13. Пайн Э.А. Нация и этнос: нелинейная эволюция этнологических концепций в России // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33. № 1. С. 6-28. DOI 10.17323/1811-038X-2024-33-1-6-28.

Pain E.A. (2024) Nation and Ethnos: The Nonlinear Evolution of Ethnological Concepts in Russia. *Mir Rossii*. Vol. 33. No. 1. P. 6-28. DOI 10.17323/1811-038X-2024-33-1-6-28. (In Russ.).

14. Республика Мордовия глазами социологов: научный справочник / под ред. Е.А. Демьянова. 2-е изд. Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга, 2024.

The Republic of Mordovia through the eyes of sociologists: a scientific reference book (2024) / ed. by E.A. Demyanov. 2nd edition. Saransk: Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution Publ. (In Russ.).

15. Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромля // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 3-22.

Rybakov S.E. (2001) Fortunes and misfortunes of the theory of ethnos. In memory of Yu.V. Bromley. *Ethnographic Review*. No. 1. P. 3-22. (In Russ.).

16. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: автореферат дис. канд. полит. наук. Москва, 2006.

Timofeev I.N. (2006) Russia's Political Identity in the Post-Soviet Period: Alternatives and Trends. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of Candidate of Political Sciences. Moscow. (In Russ.).

17. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Москва: Наука, 2003.

Tishkov V.A. (2003) Requiem for Ethnos: Studies in Social and Cultural Anthropology. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

18. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. Москва: Наука. 2001.

Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. (2001) Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).

19. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Новые этнополитические конструкторы в региональной практике современной России // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 62-72.

Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P. (2012) New Ethnopolitical Constructs in the Regional Practice of Modern Russia. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. No. 4. P. 62-72. (In Russ.).

20. Шабает Ю.П. Этнокультурные ориентации городского коми населения (по данным массового опроса) // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье. Тезисы доклада региональной научной конференции. Уфа, 1989. С. 171-174.

Shabaev Yu.P. (1989) Ethnocultural Orientations of the Urban Komi Population (Based on Mass Survey Data). *The October Revolution and the Implementation of Lenin's National Policy in the Volga Region and the Urals. Abstracts of a Regional Academic Conference Report*. P. 171-174. (In Russ.).

21. Шарапов В.Э. К 70-летию Ю.П. Шабаяева (и 40-летию научной карьеры). Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022.

Sharapov V.E. (2022) On the 70th anniversary of Yu.P. Shabaev (and the 40th anniversary of his scientific career). Syktyvkar: Federal Research Center Komi Scientific Center Ural Branch RAS Publ. (In Russ.).

22. Шергалиева М.Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 3. № 1. С. 207-211.

Shergalieva M.T. (2014) Ethnic identity as a type of social identity. *Vestnik Saratov State Technical University*. Vol. 3. No. 1. P. 207-211. (In Russ.).

23. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И.А. Пильщикова. Москва: Новое издательство, 2006.

Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Differences (2006) / Ed. by F. Barth; Trans. by I. A. Pilshchikov. Moscow: Novee izdatel'stvo Publ. (In Russ.).

24. Erikson E. (1968) Identity, Youth, and Crisis. New York, London: W. W. Norton & Company.

Сведения об авторе

Балакирев Никита Владимирович – магистрант, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет. Область научных интересов: этносоциология. Автор 8 научных статей.

E-mail: n.balackirev@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0000-4893-3924>

About the author

Balackirev Nikita Vladimirovich – Master's degree student, National Research Mordovia State University. Research interests: ethnosociology. Author of 8 scientific articles.

E-mail: n.balackirev@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0000-4893-3924>

Поступила 12.12.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 26.12.2025.

Submitted 12.12.2025; revised 25.12.2025; accepted 26.12.2025.

УДК 343.3

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-22-34

А. В. Шигуров

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: arshigurov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПОРЯДКЕ СТ. 165 УПК РФ

В статье рассмотрена проблема понимания термина «следственное действие», примененного в ст. 165 УПК РФ для определения предмета данного вида судебного контроля. Автор, отмечая противоречивость толкования данного термина в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, анализирует сложившиеся в советской и современной научной литературе подходы к пониманию понятия и видов следственных действий. В работе характеризуются позиции сторонников «широкого» и «узкого» подходов к толкованию термина «следственное действие». Автор приходит к выводу о прикладном значении данного термина, который должен, как и иные термины в правовом государстве, иметь четкое и единообразное понимание всеми участниками уголовно-процессуальных отношений.

Автор предлагает закрепить в законе следующую дефиницию: «**Следственное действие – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом процессуальные действия, производимые на досудебном производстве уполномоченными законом лицами в целях собирания и (или) проверки доказательств для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. К следственным действиям относятся: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, осмотр и прослушивание фонограммы, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, допрос, очная ставка, опознание, проверка показания на месте, судебная экспертиза.**».

Также предлагается привести в соответствие с данной дефиницией УПК РФ нормы, регулирующие предмет судебного контроля в ст. 165 УПК РФ, в частности: в названии и частях 1-3, 4, 5 ст. 165 УПК РФ термин «следственное действие» необходимо заменить на «следственное и иное процессуальное действие», в ч. 3.1 заменить «следственное действие» на «процессуальное действие», поскольку предусмотренные данной частью действия следователя, дознавателя по реализации, утилизации или уничтожению доказательств не связаны с собиранием и проверкой доказательств.

Ключевые слова: судебный контроль, следственное действие, судебное санкционирование, суд, районный суд, процессуальное действие, понятие.

Ссылка для цитирования: Шигуров А.В. Проблемы правового регулирования предмета судебного контроля за производством следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ // Социальные нормы и практики. 2025. № 3. С. 22-34. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-22-34.

A. V. Shigurov

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: arshigurov@mail.ru

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE SUBJECT OF
JUDICIAL REVIEW OF INVESTIGATIVE ACTIONS UNDER ARTICLE 165
OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

This article examines the problem of interpreting the term "investigative action" as used in Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to define the subject of this type of judicial review. The author, noting the inconsistency in the interpretation of this term in current criminal procedure legislation, analyzes approaches to understanding the concept and types of investigative actions established in Soviet and modern scientific literature. The paper characterizes the positions of proponents of "broad" and "narrow" approaches to interpreting the term "investigative action." The author concludes that the practical meaning of this term, like other terms in a state governed by the rule of law, should be clearly and uniformly understood by all participants in criminal procedural relations. The author proposes to enshrine the following definition in the law: "An investigative action is a procedural action provided for by criminal procedure law, carried out in pre-trial proceedings by persons authorized by law for the purpose of collecting and/or verifying evidence to establish circumstances relevant to the criminal case. Investigative actions include: inspection, examination, investigative experiment, search, seizure, seizure of postal and telegraph items, their inspection and seizure, monitoring and recording of conversations, inspection and listening to audio recordings, obtaining information about connections between subscribers and/or subscriber devices, interrogation, confrontation, identification, on-site verification of testimony, and forensic examination."

It is also proposed to bring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation into conformity with this definition, including the provisions regulating the subject of judicial review in Article 165 of the Code. In particular, in the title and Parts 1–3, 4, and 5 of Article 165, the term "investigative action" should be replaced with "investigative and other procedural action." In Section 3.1, "investigative action" must be replaced with "procedural action," since the actions of the investigator or inquiry officer regarding the sale, disposal, or destruction of evidence stipulated by this section

are not related to the collection and verification of evidence.

Keywords: judicial review, investigative action, judicial authorization, court, district court, procedural action, concept.

For citation: Shigurov A.V. (2025) Problems of Legal Regulation of the Subject of Judicial Review of Investigative Actions under Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Social norms and practices*. No. 3. P. 22-34. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-22-34.

Введение

Предмет судебного контроля, осуществляемого на досудебном производстве в порядке ст. 165 УПК РФ, за годы своего существования в современной России неоднократно менялся.

В первоначальной редакции УПК РФ судебному контролю подлежало лишь 6 следственных действий:

- осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;
- обыск (выемка) в жилище;
- выемка предметов и документов, составляющих банковскую тайну,
- наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и ее выемка в учреждениях связи.
- контроль и запись телефонных и иных переговоров.

В дальнейшем ст. 29 УПК РФ неоднократно дополнялась, что к настоящему времени привело к расширению предмета судебной защиты, осуществляемой в порядке ст. 165 УПК РФ, который теперь включает в себя еще и следующие следственные и иные процессуальные действия:

– обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката в соответствии со статьей 450.1 УПК РФ (изменения в ст. 29 УПК РФ внесены с 28 апреля 2017 г.¹, хотя нормы о судебном санкционировании следственных действий в отношении адвоката действуют в составе ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»² с момента принятия первоначальной редакции данного закона, и необходимость их применения независимо от наличия аналогичных норм в УПК РФ неоднократно подтверждалась правовыми позициями Конституционного Суда РФ³);

– выемка предметов и документов, содержащих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну (изменения внесены с 7 сентября

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

³ По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О // Собрание законодательства РФ. 2006. № 5. Ст. 633.

2007 г.¹);

– выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи (изменения внесены с 17 декабря 2007 г.²);

– получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (изменения были внесены одновременно с включением в УПК РФ данного нового для России следственного действия с 18 июля 2010 г.³);

– реализация, утилизация, уничтожение или безвозмездная передача отдельных видов вещественных доказательств (изменения внесены с 7 мая 2010 г.⁴ и в дальнейшем предмет судебного контроля в данной сфере неоднократно расширялся).

Также фактически с момента принятия УПК РФ судебное решение требовалось для производства эксгумации, если родственники не давали свое согласие на производство данного процессуального действия. Однако, порядок получения такого согласия конкретной нормой УПК РФ не был и до сих пор не урегулирован, что создает проблемы на практике.

Все вышеуказанные дополнения, сопровождающиеся изменением норм о предмете судебного контроля в ст. 165 УПК РФ, не изменили того обстоятельства, что законодатель для обозначения всех указанных в ч. 1 ст. 165 УПК РФ процессуальных действий использует термин «следственное действие». Рассмотрим данный термин и дадим оценку правомерности использования его в контексте перечня процессуальных действий, указанных в ст. 165 УПК РФ. Необходимость подобного анализа обусловлена дискуссионностью термина «следственное действие» в отечественной доктрине, что в значительной степени обусловлено пробельностью действующего законодательства и небрежностью в его использовании в различных нормах и институтах УПК РФ.

Методы

При анализе проблем правового регулирования предмета судебного контроля за следственными действиями были использованы формально-юридический и иные методы научного познания.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03.12.2007 № 322-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6235.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 01.07.2010 № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3427.

⁴ О внесении изменений в статьи 29 и 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 22.04.2010 № 62-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 17. Ст. 1985.

Результаты

Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд противоречий в части определения содержания термина «следственное действие», что препятствует его единообразному пониманию. Рассмотрим, например, ч. 8 ст. 164, ч. 4 ст. 141 УПК РФ, где императивно и без каких-либо исключений установлено, что производство следственного действия требует ведения протокола по правилам ст. 166 УПК РФ. Анализ процессуального порядка действий, регламентированных в гл. 24-27 УПК РФ, позволяет выделить сразу несколько, казалось бы, «традиционных» следственных действий, которые не отвечают данному требованию, а, следовательно, по-видимому, с точки зрения законодателя, например, судебную экспертизу называть следственным действием нельзя.

Однако, в ч. 2 ст. 159 УПК РФ судебная экспертиза уже отнесена к числу следственных действий. Также очевидно иное понимание термина «следственное действие» легло в основу статьи 157 УПК РФ, где регулируется деятельность органов дознания по производству следственных действий. Нельзя не отнести судебную экспертизу к числу неотложных следственных действий, поскольку, как указано в п. 19 ст. 5 УПК РФ, они являются теми процессуальными действиями, которые необходимы для обнаружения и фиксации следов преступления и иных доказательств, требующих незамедлительного закрепления и исследования. Большинство медицинских, биологических экспертиз обладают данными признаками неотложных следственных действий, если объект требует срочного исследования.

Наложение ареста на имущество в ст. 165 УПК РФ рассматривается как следственное действие, однако, нахождение ст. 115 УПК РФ в гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения» однозначно позволяет отнести данное процессуальное действие к числу мер процессуального принуждения.

Противоречивостью и пробельностью советского и российского уголовно-процессуального законодательства обусловлено и существование различных подходов к вопросам о сущности, целях, задачах и, как следствие, дефиниции анализируемого термина.

В частности, сторонником «широкого» понимания термина «следственное действие» был И.М. Лузгин, который относил к числу следственных не только познавательные, но и иные процессуальные действия, совершаемые следователем в процессе предварительного расследования [Лузгин, 1969: 58-59]. Некоторые современные авторы также при определении следственных действий основываются на субъекте, производящем данное процессуальное действие¹.

Сразу заметим, что в современном УПК РФ следственные действия относятся как к производству предварительного следствия, так и, без каких-либо исключений, к производству дознания [Шигурова, Лизин, 2016]. Следовательно, толкование следственных действий как действий следователя или действий,

¹ Уголовный процесс: Учеб. для студентов юрид. вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2005. С. 205.

осуществляемых в процессе предварительного следствия, является некорректным.

К числу современных сторонников «широкого» понимания следственных действий можно отнести, например, П.С. Ефимичева и С.П. Ефимичева, которые, с одной стороны, признают нацеленность следственных действий на обнаружение, фиксацию и проверку сведений, имеющих значение доказательств по уголовному делу, но, с другой стороны, включают в их число задержание подозреваемого, наложение ареста на имущество, получение образцов для сравнительного исследования [Ефимичев, Ефимичев, 2009: 73].

Сторонников «узкого» толкования термина «следственные действия» в настоящее время настолько много, что данную позицию можно сегодня назвать доминирующей в уголовно-процессуальной науке. Так, еще в 1981 г. С.А. Шейфер в своей монографии в качестве сущностного признака следственных действий назвал их познавательный характер, т.е. направленность на получение определенного познавательного результата [Шейфер, 1981].

В современных исследованиях ведется дискуссия относительно признаков, отличающих следственные действия от иных процессуальных действий. Например, Л.В. Головкин в качестве таковых называет:

- осуществление следственного действия специально уполномоченными субъектами;

- направленность следственного действия на собирание доказательств;

- осуществление следственного действия в строго регламентированной законом процессуальной форме [Курс уголовного процесса, 2016: 228].

В.Ю. Стельмах к признакам следственного действия относит:

- внешнюю объективированность, т.е. выраженность в конкретных действиях следователя, дознавателя;

- особую цель следственного действия – установление и доказывание фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, которая достигается в ходе следственного действия путем решения задач по собиранию и проверке доказательств;

- закрепление в уголовно-процессуальном законе вида и процессуального порядка производства следственного действия, включая основания, условия, правовой статус участников, процедуру, правила фиксации доказательственной информации;

- обеспеченность мерами государственного принуждения, что обусловлено публичным характером всех следственных действий [Стельмах, 2014].

В.А. Семенов в качестве признаков следственных действий отмечает:

- регламентацию уголовно-процессуальным законом вида и детальной процедуры производства и оформления результатов соответствующего следственного действия;

- направленность на собирание и проверку доказательств;

- направленность следственных действий на установление и доказывание фактических обстоятельств, имеющих значение для дела;

– обеспеченность уголовно-процессуальным принуждением;
– производство следственных действий дознавателем, следователем и судом [Семенцов, 2006: 26; 39].

Наряду с общими спорами о понятии и признаках следственных действий ведется дискуссия и относительно отнесения к числу следственных определенных процессуальных действий.

Например, О.Я. Баев и Д.А. Солодов считают неправильным использование термина «следственное действие» по отношению к контролю и записи переговоров, поскольку он проводится не следователем, а специальными органами по решению суда¹. Если следовать этой логике, то к числу следственных действий нельзя относить контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, судебную экспертизу и даже освидетельствование, если оно проводится врачом, а следователь на нем не присутствует, поскольку осматриваемое лицо другого пола (ч. 4 ст. 179 УПК РФ).

Безусловно, в рамках небольшого исследования данного термина мы не ставили задачу осветить все множество разнообразных публикаций на данную тематику. Однако, уже вышеуказанная палитра мнений свидетельствует об отсутствии единства в данном вопросе как в законодательстве, так и в доктрине уголовно-процессуальной науки.

Интересно, что в процессе анализа данной проблематики ряд исследователей пришли к выводу о необходимости выделения сразу разных трактовок понятия «следственное действие». Например, В.В. Вандышев предлагает понимать под следственными действиями в широком смысле слова как все процессуальные действия следователя, дознавателя, прокурора, суда, руководителей и начальников органов расследования. В узком смысле слова эти термины должны пониматься как те процессуальные действия вышеуказанных субъектов, которые направлены на собирание, исследование, проверку и оценку доказательств, т.е. преследующие познавательную цель².

Мы считаем недопустимым подобный «альтернативный» подход к пониманию столь важного термина как в учебной литературе, так и в законодательстве.

На наш взгляд, данный термин, как и иные юридические понятия, является средством, инструментом, который используется в профессиональном общении, в правовой регламентации, для передачи определенной информации от одного субъекта общественных отношений к другому. В этом смысле термины всегда имеют прикладное значение [Подольный, 2017]. Они не формируют содержание

¹ Баев О.Я., Солодов Д.А. Криминалистический комментарий к процессуальному порядку производства следственных действий по УПК России. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=15867 (дата обращения: 12.11.2025).

² Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: Учебник для юрид. вузов и факультетов. М., 2010. С. 168.

сообщения, а выражают мысль, идею, правило и т.п., которые хочет передать в своем письменном или устном тексте субъект. В связи с этим главное требование, которому должен соответствовать любой термин, особенно если мы говорим о юридическом термине в правовом государстве, является четкое, единообразное понимание его всеми участниками общественных отношений¹.

В том случае, если тот или иной термин является общепонятным и обыденным, законодатель вправе использовать его без дополнительного закрепления в качестве дефиниции в норме-понятии. Однако, как мы видим, в данном случае пробельность законодательства недопустима. Понятие «следственного действия» не только не является общепонятным, но даже в профессиональной среде порождает дискуссии, ведущиеся еще с советского периода.

Таким образом, законодатель обязан определить понятие и виды следственных действий. Здесь мы позволим себе не согласиться с позицией А.Р. Белкина, который полагает, что подобная регламентация будет объективно препятствовать оперативному использованию в доказывании новинок науки и техники, расширяющих возможности установления истины по уголовному делу [Белкин, 2005: 90].

В современном процессе законодательство и практика исходят из принципа недопустимости использования в доказывании результатов не предусмотренных законом процессуальных действий. Это нашло отражение, например, в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51, где уже не первый раз подтверждается положение о необходимости признания недопустимыми доказательств, полученных в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами². Детальная регламентация порядка собирания доказательств, видов доказательств и следственных действий является гарантией защиты прав участников уголовного процесса и обеспечения достоверности получаемых таким путем сведений.

Соответственно, использование новейших достижений науки и техники допустимо, если это происходит в рамках установленных законом процессуальных форм собирания доказательств, иначе говоря в рамках предусмотренных законом следственных действий. Так, например, УПК РФ совершенно оправданно не регулирует криминалистические виды судебных экспертиз, что дает возможность применения современных научных знаний при производстве различных современных экспертных исследований, если они опираются на соответствующую научно-обоснованную методику [Матюшкина, 2023; Матюшкина, Айзятова, 2020]. Однако, независимо от вида судебной

¹ Агеева О.Н., Анощенкова С.В., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Мирошниченко Д.В., Петрикова С.В., Подольный Н.А. Уголовное право России. Общая часть: учебник. В 2-х частях. Москва, 2015. С. 127.

² О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // Российская газета. 2017. 29 декабря.

экспертизы и новизны используемой при ее производстве научно-технологической базы процессуальная форма назначения, производства, оформления результатов экспертизы едины и закреплены в законе, как и разнообразные гарантии законности, обоснованности, мотивированности выводов эксперта, защиты прав участников.

На необходимость нормативной регламентации термина «следственное действие» обращали внимание многие советские и современные исследователи. Ряд авторов предлагают включить в УПК РФ подробную научно-обоснованную дефиницию. Например, С.Б. Россинский предлагает закрепить достаточно объемное определение данного термина, включающее в себя следующие его признаки:

- процессуальные действия, производимые следователем или дознавателем (органом дознания);
- действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела,
- действия, связанные с собиранием полноценных доказательств и их депонированием для предстоящего судебного разбирательства [Россинский, 2021].

На наш взгляд, подобное решение проблемы породит множество новых вопросов и затруднит практическое применение, поскольку подобное определение, во-первых, само по себе содержит не предусмотренные законом термины, которые тоже потребуют разъяснения, во-вторых, даже такое громоздкое научное определение не может охватить собой все возможные варианты регламентации следственных действий, например, в вопросе о том, кто вправе производить следственные действия. Очевидно, это не только те субъекты, которые указаны в определении С.Б. Россинским.

В.А. Семенцов, предлагая закрепить в ст. 5 УПК РФ дефиницию следственного действия, включает в данное понятие такой признак, как производство данных действий дознавателем, следователем и судом [Семенцов, 2015: 39]. Включение в УПК РФ дефиниции с подобным признаком также не будет способствовать единообразию правоприменительной практики, поскольку оно расходится с иными нормами УПК РФ, которые разграничивают следственные и судебные действия.

Заключение

Завершая проведенный анализ проблем понимания термина «следственное действие», использованного для определения предмета данного вида судебного контроля в ст. 165 УПК РФ, сформулируем выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

1) Представляется необходимым включение в дефиницию УПК РФ лаконичного определения, содержащего лишь существенные признаки, без дублирования других норм и институтов.

В частности, нет необходимости включать в понятие следственного действия конкретизированный список всех субъектов, которые уполномочены

производить их. Тем более, что это невозможно сделать в коротком определении, поскольку согласно действующему законодательству помимо традиционных субъектов производства следственных действий есть еще и субъекты, действующие по поручению следователя, дознавателя. Данный признак целесообразно обозначить общей формулировкой «уполномоченные законом лица».

С учетом вышесказанного, предлагаем в ст. 5 УПК РФ закрепить следующую дефиницию: «Следственные действия – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом процессуальные действия, производимые на досудебном производстве уполномоченными законом лицами в целях собирания и (или) проверки доказательств для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. К следственным действиям относятся:

- осмотр,
- освидетельствование,
- следственный эксперимент,
- обыск,
- выемка,
- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка,
- контроль и запись переговоров, осмотр и прослушивание фонограммы,
- получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами,
- допрос,
- очная ставка,
- опознание,
- проверка показания на месте,
- судебная экспертиза».

2) Безусловно, внесение подобной дефиниции и развернутого перечня следственных действий потребует изменения формулировок многих норм, в том числе и ст. 165 УПК РФ:

– в названии и частях 1-3, 4, 5 ст. 165 УПК РФ термин «следственное действие» необходимо заменить на «следственное и иное процессуальное действие»;

– в ч. 3.1 заменить «следственное действие» на «процессуальное действие», поскольку предусмотренные данной частью действия следователя, дознавателя по реализации, утилизации или уничтожению доказательств не связаны с собиранием и проверкой доказательств.

Список литературы (References)

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Москва: Норма, 2005.

Belkin A.R. (2005) Theory of Evidence in Criminal Proceedings. Moscow: Norma Publ. (In Russ.).

2. Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М.: Юстицинформ, 2009.

Efimychyev P.S., Efimychyev S.P. (2009) Crime Investigation: Theory, Practice, and Ensuring Individual Rights. Moscow: Yustitsinform Publ. (In Russ.).

3. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. Москва: Статут, 2016.

Course of Criminal Procedure (2016) / A.A. Arutyunyan, L.V. Brusnitsyn, O.L. Vasiliev, et al.; ed. by L.V. Golovko. Moscow: Statut Publ. (In Russ.).

4. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. Москва: Высш. школа МВД СССР, 1969.

Luzgin I.M. (1969) Investigation as a Process of Cognition. Moscow: The Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs Publ. (In Russ.).

5. Матюшкина А.В. Проблемы и перспективы правовой регламентации судебно-экспертной деятельности в России // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 4. С. 236-242. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-4-236-242>.

Matyushkina A.V. (2023) Problems and Prospects of the Legal Regulation of Forensic Expert Activity in Russia. *Herald of the Russian Law Academy*. No. 4. P. 236-242. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-4-236-242>. (In Russ.).

6. Матюшкина А.В., Айзятова Л.Ф. Предмет судебных экспертиз при расследовании должностных преступлений // Проблемы права. 2020. № 2 (76). С. 118-122. DOI: 10.14529/pro-prava200219.

Matyushkina A.V., Ayzyatova L.F. (2020) Subject of Judicial Expertise in the Investigation of Official Crimes. *Issues of Law*. No. 2 (76). P. 118-122. DOI: 10.14529/pro-prava200219. (In Russ.).

7. Подольный Н.А. Перспективы развития категории «предкриминальная ситуация» // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2017. С. 61-65.

Podolny N.A. (2017) Prospects for the Development of the Category "Pre-Criminal Situation". *Situational Approach in Legal Science and Practice: Current Possibilities and Development Prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 15th Anniversary of the Scientific School of Forensic Situationology at the Immanuel Kant Baltic Federal University*. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publ. P. 61-65. (In Russ.).

8. Россинский С.Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74-83.

Rossinskiy S.B. (2021) Once Again about the Concept and Essence of Investigative Actions in Criminal Law Legal Proceedings: The Discussion is not Over... *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. No. 1. P. 74-83. (In Russ.).

9. Семенцов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных

действий, предназначенных для собирания доказательств // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 2. С. 39-45.

Sementsov V.A. (2015) The Ratio of Investigative and Other Procedural Actions, Intended to Gather Evidence. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. No. 2. P. 39-45. (In Russ.).

10. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): монография. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006.

Sementsov V.A. (2006) Investigative Actions in Pre-Trial Proceedings (General Provisions of Theory and Practice). Ekaterinburg: Ural State Law Academy Publ. (In Russ.).

11. Стельмах В.Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // *Российский юридический журнал*. 2014. № 2. С. 88-97.

Stel'makh V.Yu. (2014) A Concept and Features of Investigative Procedure. *Russian Juridical Journal*. No. 2. pp. 88-97. (In Russ.).

12. Шейфер С.А. Следственные действия: система и процессуальная форма. Москва: Юридическая литература, 1981.

Sheifer S.A. (1981) Investigative actions: system and procedural form. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ. (In Russ.).

13. Шигурова Е.И., Лизин О.В. Взаимоотношения следователя, руководителя следственного органа, прокурора: проблемы уголовно-процессуального законодательства // *Мир науки и образования*. 2016. № 1 (5). С. 23.

Shigurova E.I., Lizin O.V. (2016) Relations Investigator, the Head of Investigatory Body, the Prosecutor: Problems of Criminal Procedural Law. *The world of science, culture and education*. No. 1 (5). P. 23. (In Russ.).

Сведения об авторе

Шигуров Александр Викторович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства. Автор более 200 научных и учебно-методических работ.

E-mail: arshigurov@mail.ru

About the author

Shigurov Alexander Viktorovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). Engaged in the study of the problems of criminal justice. Author of more than 200 scientific and educational works.

E-mail: arshigurov@mail.ru

Поступила 25.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025;
принята к публикации 26.12.2025.

Submitted 25.11.2025; revised 12.12.2025; accepted 26.12.2025.

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-35-43

П. Н. Адышкина

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: polinaadyskina149615@gmail.com

К. Н. Голованова

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: Ksenua13G@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Вопрос о функциях прокуратуры в уголовном судопроизводстве является одним из центральных в современной российской правовой науке и практике. Особое внимание привлекает функция уголовного преследования, содержание и пределы которой постоянно становятся предметом профессиональных дискуссий. Несмотря на то, что роль прокурора в уголовном процессе довольно четко определена уголовно-процессуальным законодательством, анализ динамики развития правовой системы и уровня эффективности борьбы с преступностью свидетельствует о том, что сохраняет актуальность вопрос о возможности и целесообразности расширения функции уголовного преследования российской прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, уголовное преследование, полномочия прокурора, уголовно-процессуальное законодательство, правоприменительная практика, зарубежный опыт, совершенствование правовой системы.

Ссылка для цитирования: Адышкина П.Н., Голованова К.Н. К вопросу о расширении функции уголовного преследования российской прокуратуры // Социальные нормы и практики. 2025. № 3. С. 35-43. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-35-43.

P. N. Adyshkina

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: polinaadyskina149615@gmail.com

K. N. Golovanova

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: Ksenua13G@yandex.ru

THE EXPANSION OF THE CRIMINAL PROSECUTION FUNCTION OF THE RUSSIAN PROSECUTOR'S OFFICE

The functions of the prosecutor's office in criminal proceedings constitute one of the central topics in modern Russian legal scholarship and practice. Special attention is paid to the function of criminal prosecution, the content and limits of which are constantly the subject of professional discussions. The current criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as the works of leading scholars, shape established approaches to the role and position of the prosecutor in the criminal process. However, an analysis of legal system development and the effectiveness of crime control indicates that the question of the feasibility and desirability of expanding the criminal prosecution function of the Russian prosecutor's office remains relevant.

Keywords: prosecutor's office, criminal prosecution, prosecutor's authority, criminal procedure legislation, law enforcement practice, foreign experience, improvement of the legal system.

For citation: Adyshkina P.N., Golovanova K.N. (2025) The Expansion of the Criminal Prosecution Function of the Russian Prosecutor's Office. *Social norms and practices*. No. 3. P. 35-43. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-35-43.

Введение

Норма, закрепленная в ч. 1 ст. 37 УПК РФ, наделяет прокурора полномочием осуществлять от имени государства уголовное преследование наряду с надзором за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия – при этом законодатель не ограничивает реализацию прокурором функции уголовного преследования какими-либо стадиями уголовного судопроизводства¹. Ряд авторов в связи с этим придерживаются позиции, согласно которой прокурор осуществляет уголовное преследование не только в суде, но и в досудебном производстве [Спирин, 2025: 49; Сычев, 2022: 100]. Полагаем данную точку зрения обоснованной, поскольку уголовное преследование не ограничивается его инициированием, но осуществляется на всех стадиях процесса, вплоть до вынесения приговора.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

Однако в этом случае возникает принципиальный вопрос о том, как прокурор реализует в досудебных стадиях тесно связанные, но самостоятельные функции надзора и уголовного преследования. На наш взгляд, наиболее принципиальным образом данные функции отличаются по своей основной цели: надзор предназначен для обеспечения законности, а уголовное преследование – для достижения целей уголовного правосудия, зафиксированных в уголовно-процессуальном законодательстве.

Необходимо отметить и принципиально иную точку зрения, согласно которой прокурор на досудебных стадиях занимается исключительно надзором, а функцию уголовного преследования он реализует только тогда, когда поддерживает государственное обвинение в суде [Костанов, 2023; Малофеев, 2022: 6].

На наш взгляд, более обоснованной выглядит позиция, согласно которой прокурор осуществляет уголовное преследование не только в суде, но и в досудебном производстве, потому что в рамках своих полномочий прокурор активно участвует в движении уголовного дела: в частности, он вправе отменять незаконные и необоснованные постановления органов предварительного расследования, включая постановления о возбуждении уголовного дела, следовательно, без санкции прокурора расследование не может начаться; без утверждения прокурором обвинительного заключения (акта, постановления) дело не может быть направлено в суд. Очевидно, что подобные действия не являются пассивным наблюдением за законностью, они направлены на поэтапное продвижение дела к его разрешению в суде, что и является реализацией функции уголовного преследования.

Помимо уголовного преследования и надзора прокурор в уголовном судопроизводстве обеспечивает конституционные права граждан, учитывая необходимость соблюдения принципов законности, справедливости и неотвратимости наказания [Демидов, Долгинов, 2024: 294]. Для более эффективной реализации данной важной задачи, как, впрочем, и функций надзора и уголовного преследования, прокурору, на наш взгляд, необходимы дополнительные полномочия.

Варианты расширения функции уголовного преследования российской прокуратуры

До сентября 2007 года прокуроры имели право возбуждать уголовные дела и принимать их к своему производству, участвовать в производстве предварительного расследования и лично производить отдельные следственные и процессуальные действия, приостанавливать и прекращать производство по

уголовному делу и др.¹.

После реформы 2007 года полномочия прокурора в сфере уголовного преследования были существенного сокращены. Кроме того, образовался дисбаланс в объеме полномочий, которые прокурор может осуществлять в отношении дознавателей и следователей (полномочия в отношении дознавателей существенно шире). В этой связи в исследовательской литературе появились публикации с предложениями исключить этот дисбаланс, однако эти предложения носят противоречивый характер. Согласно одному подходу следует сократить полномочия прокурора в отношении дознавателей, поскольку это снижает эффективность расследования и нарушает процессуальную самостоятельность органов дознания [Ситник, 2018: 192]. Согласно второму подходу выравнивание дисбаланса необходимо осуществить путем расширения полномочий прокурора в отношении следователей [Гончаров, Веденева, 2020: 35; Сливчиков, 2008: 62]. Мы придерживаемся второго подхода, поскольку цели и задачи надзорной деятельности не зависят от того, в отношении какого органа предварительного расследования она осуществляется. В частности, полагаем необходимым закрепить за прокурором право давать следователям письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий; согласие на возбуждение перед судом ходатайств о рассмотрении вопросов, связанных с мерой пресечения, и производстве процессуальных действий, для совершения которых необходимо судебное решение, и др. Подобные предложения критикуются с позиции сохранения процессуальной самостоятельности следователя, однако если данная позиция справедлива, необходимо признать, что в настоящее время из-за более обширных надзорных полномочий прокурора процессуальной самостоятельностью не обладают дознаватели. На наш взгляд, в перечень задач, которые решает надзирающий прокурор, не входит задача сократить процессуальную самостоятельность должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, поэтому выравнивание дисбаланса полномочий не будет ущемлять следователей, но позволит предоставить гражданам, участвующим в уголовном судопроизводстве, дополнительные гарантии законности.

Помимо наделения прокурора дополнительными полномочиями в отношении следователей (в том же объеме, что реализуются в отношении дознавателей), по нашему мнению, необходимо вернуть прокурору право самостоятельно возбуждать уголовные дела.

В большинстве государств прокуроры наделяются значимым объемом полномочий в уголовном процессе. Хотя структура прокуратуры и ее место в

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.09.2007) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

системе органов власти могут существенно отличаться, объединяющим элементом является цель, которая ставится перед ней: защита интересов общества и обеспечение верховенства закона. Однако достижение данной цели в уголовном судопроизводстве невозможно, если прокурор не обладает надлежащими полномочиями, в том числе, правом осуществлять уголовное преследование в досудебных стадиях производства в полном объеме.

Так, например, в США прокуроры обладают практически неограниченными полномочиями в рамках уголовного преследования (объем определяется категорией преступления – федеральное или преступление штата): они вправе инициировать уголовное преследование по всем категориям преступлений в конкретном штате; вести расследование самостоятельно или давать указания иным правоохранительным органам; поддерживать обвинение в суде; прекращать уголовное преследование; заключать соглашения о сотрудничестве со следствием и др. [Баклыкова, 2024: 173].

Во Франции прокуроры также обладают значимым и разнообразным набором полномочий в уголовном процессе: руководят полицейским расследованием, передают материалы следственному судье, осуществляют надзор за законностью избрания мер пресечения, поддерживают обвинение в суде и др.¹

Аналогичным образом в прокуратуре ФРГ решение об инициировании уголовного преследования принимает прокурор. В его компетенции находится не только руководство следствием и судебное преследование, но и обеспечение исполнения приговора [Мехманов, 2023: 10].

Согласно Закону об организации Народной прокуратуры Китайской Народной Республики, прокуроры «(1) осуществляют следственные действия по уголовным делам в соответствии с законом; (2) рассматривают материалы уголовных дел, принимая решения об их утверждении и даче санкции на арест подозреваемых в совершении преступлений; (3) рассматривают материалы уголовных дел, принимая решение о возможности предъявления обвинения и направления дела в суд, и поддерживают государственное обвинение в случаях, когда они принимают решение о предъявлении обвинения»², а также реализуют ряд других полномочий.

Не менее обширными полномочиями наделена прокуратура Японии: возбуждение уголовного преследования или отказ от него, производство следственных действий, возможность заключения сделки с обвиняемым при

¹ Уголовно-процессуальный кодекс, Франция. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23231> (дата обращения: 21.11.2025).

² Органический закон о народных прокуратурах Китайской Народной Республики. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/organic-law-of-the-peoples-procuratorate-of-the-prc/> (дата обращения: 21.11.2025).

условии изобличения последним другого лица, подготовка дела к рассмотрению в суде и др. [Реховский, 2020: 12].

Итак – функция уголовного преследования объединяет институты прокуратуры разных стран общим стремлением обеспечить справедливость и безопасность личности и общества, соблюдая принципы права и нормы процессуального законодательства.

На наш взгляд, для повышения эффективности уголовного преследования, осуществляемого российской прокуратурой, необходимо расширить полномочия прокурора, в частности, вернуть ему право возбуждать уголовные дела. Впрочем, речь идет о строго определенных ситуациях, в которых реализация прокурором правомочия по возбуждению уголовного дела может способствовать эффективности уголовного преследования. Например, полагаем, что именно прокурор должен возбуждать дела в отношении сотрудников правоохранительных органов (следователей, дознавателей, оперативных работников) для обеспечения объективности и беспристрастности расследования. В таких случаях существует высокий риск ведомственной «солидарности» и попыток скрыть преступление, а прокурор, являясь должностным лицом независимого государственного органа, может принимать более объективное решение об инициировании уголовного преследования. Кроме того, полагаем, что прокурора необходимо наделить правом возбуждать уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях коррупционной направленности и преступлениях, затрагивающих основы конституционного строя и безопасности государства. Расследования подобных дел, как правило, требуют межведомственных усилий, а прокуратура, реализуя не только надзорную, но и координационную функцию, может обеспечивать комплексный подход уже на этапе возбуждения уголовного дела.

Заключение

Восстановление права прокурора возбуждать уголовные дела должно быть частью комплексной реформы УПК РФ, направленной на повышение эффективности правосудия с обязательным сохранением процессуальной самостоятельности следователя в пределах его компетенции.

Кроме того, необходимо расширить и надзорные полномочия, предоставив прокурору право реализовывать в отношении следователей те же действия, которые в настоящее время осуществляются в отношении дознавателей. Это позволит прокурору более активно влиять на ход расследования, оперативно пресекать процессуальные нарушения и волокиту, эффективно защищать права человека и законные интересы общества в уголовном процессе.

Усиление функций уголовного преследования прокуратуры в конечном итоге послужит укреплению государства, повышению доверия населения к органам власти и созданию условий для стабильного развития общества.

Список литературы (References)

1. Баклыкова Е.Ю. О роли прокурора в осуществлении уголовного преследования в странах англосаксонской системы права (на примере США и Великобритании) // Закон и право. 2024. № 10. С. 172-176. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-10-172-176>.

Baklykova E.Yu. (2024) On the role of the prosecutor in criminal prosecution in the countries of the AngloSaxon system of law (on the example of the USA and Great Britain). *Law & Legislation*. No. 10. P. 172-176. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-10-172-176>. (In Russ.).

2. Гончаров Д.Ю., Веденева К.А. Выравнивание надзорных полномочий прокурора по отношению к органам предварительного расследования // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1. С. 34-36.

Goncharov D.Yu., Vedeneva K.A. (2020) Equalization of the Supervisory Powers of the Prosecutor Vis-à-Vis the Bodies of Preliminary Investigation. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. No. 1. P. 34-36. (In Russ.).

3. Демидов А.С., Долгинов С.Д. Роль органов прокуратуры в обеспечении конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2024. № 7. С. 292-301.

Demidov A.S., Dolginov S.D. (2024) The Role of the Prosecutor's Office in Ensuring the Constitutional Rights of Citizens in Criminal Proceedings. *Perm Legal Almanac*. No. 7. P. 292-301. (In Russ.).

4. Костанов Ю.А. Прокурор в уголовном судопроизводстве. Что было и что должно быть // Уголовный процесс. 2023. № 4. URL: <https://e.ugpr.ru/1018150> (дата обращения: 21.11.2025).

Kostanov Yu.A. (2023) Prosecutor in criminal proceedings. What was and what should be. *Criminal process*. No. 4. URL: <https://e.ugpr.ru/1018150> (accessed: 21.11.2025). (In Russ.).

5. Малофеев И.В. Роль прокурора в осуществлении функции уголовного преследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 3. С. 5-16. DOI 10.17150/24116122.2022.3.5-16.

Malofeev I.V. (2022) The Role of the Prosecutor in the Implementation of the Function of Criminal Prosecution. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. No. 3. P. 5-16. DOI 10.17150/24116122.2022.3.5-16. (In Russ.).

6. Мехманов С.Л. Правовой статус прокуратуры Германии // Международный журнал серии конференций по образованию и социальным наукам (Онлайн). 2023. Т. 3. № 3. С. 9-12. URL: <https://ijorces.org/index.php/ojs/article/view/401/380> (дата обращения: 21.11.2025).

Mehmanov S.L. (2023) Legal status of the German prosecutor's office. *International journal of conference series on education and social sciences (Online)*. Vol. 3. No. 3. P. 9-12. URL: <https://ijorces.org/index.php/ojs/article/view/401/380> (accessed: 21.11.2025). (In Russ.).

7. Реховский А.Ф. Современная реформа уголовного процесса Японии // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1(27). С. 9-15.

Rekhovskiy A.F. (2020) Modern Reform of Criminal Procedures of Japan. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalis-ticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. No. 1(27). P. 9-15. (In Russ.).

8. Сливчиков А.А. К вопросу о процессуальном положении прокурора в ходе предварительного следствия // Вестник Поволжского института управления. 2008. № 1. С. 57-62.

Slivchikov A.A. (2008) Procedural Regulations of the Public Prosecutor During the Preliminary Investigation. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. No. 1. P. 57-62. (In Russ.).

9. Спиринов А.В. К вопросу о функциях надзора и уголовного преследования в уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве // На страже закона. 2025. № 1. С. 48-53.

Spirin A.V. (2025) On the functions of supervision and criminal prosecution in the criminal procedural activities of the prosecutor in pre-trial proceedings. *Law enforcement*. No. 1. P. 48-53. (In Russ.).

10. Ситник В.В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 185-194. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.89.4.185-194>.

Sitnik V.V. (2018) Theoretical Aspects of Public Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws by Bodies Conducting Inquiries. *Actual Problems of Russian Law*. No. 4. P. 185-194. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.89.4.185-194>. (In Russ.).

11. Сычев Д.А. О содержании функции уголовного преследования в деятельности прокурора в досудебном производстве // Криминалистика. 2022. № 4(41). С. 98-104.

Sychev D.A. (2022) The Substance of the Function of Criminal Prosecution in the Procurator's Activities in Pre-Trial Proceedings. *Criminalist*. No. 4 (41). P. 98-104. (In Russ.).

Сведения об авторах

Адышкина Полина Николаевна – студент, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

E-mail: polinaadyskina149615@gmail.com

Голованова Ксения Николаевна – студент, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

E-mail: Ksenua13G@yandex.ru

About the authors

Adyshkina Polina Nikolaevna – student, the Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

E-mail: polinaadyskina149615@gmail.com

Golovanova Ksenia Nikolaevna – student, the Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

E-mail: Ksenua13G@yandex.ru

Поступила 24.11.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 26.12.2025.

Submitted 24.11.2025; revised 23.12.2025; accepted 26.12.2025.

УДК 343

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-44-54

А. О. Веселова,

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: veselova20020@bk.ru

А. А. Стрелкова

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: n.strelkova2017@yandex.ru

ДЕЕРФАКЕ КАК ВЫЗОВ ПРАВОСУДИЮ: КАК ПРОКУРОР ОБЕСПЕЧИВАЕТ ЗАКОННОСТЬ В ЭПОХУ СИНТЕТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья раскрывает содержание и особенности прокурорского надзора за законностью расследования преступлений, совершаемых с применением технологии deepfake. Определены основные статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые для квалификации таких деяний. Проанализированы специфические направления надзорной деятельности прокурора, включая надзор за законностью процессуальных действий органов предварительного расследования, оценку доказательств и защиту прав потерпевших. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для повышения эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием технологии deepfake.

Ключевые слова: прокурорский надзор, deepfake, расследование, законность, квалификация, оценка доказательств.

Ссылка для цитирования: Веселова А.О., Стрелкова А.А. Deepfake как вызов правосудию: как прокурор обеспечивает законность в эпоху синтетической реальности // Социальные нормы и практики. 2025. № 3. С. 44-54. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-44-54.

А. О. Veselova

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: veselova20020@bk.ru

A. A. Strelkova

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: n.strelkova2017@yandex.ru

DEEPFAKE AS A CHALLENGE TO JUSTICE: HOW THE PROSECUTOR'S OFFICE ENSURES LEGALITY IN THE ERA OF SYNTHETIC REALITY

The article examines the content and specific features of prosecutorial supervision over the legality of investigations into crimes involving deepfake technology. The main articles of the Criminal Code of the Russian Federation used to qualify such acts are identified. The specific areas of the prosecutor's supervisory activity are analyzed, including supervision of the legality of the procedural actions of the pre-trial investigation bodies, assessment of evidence and protection of the rights of victims. The article proposes measures to improve legislation and law enforcement practice aimed at enhancing the effectiveness of countering crimes involving deepfake technology.

Keywords: prosecutorial supervision, deepfake technology, criminal investigation, legality, legal classification of crimes, evidence assessment.

For citation: Veselova A.O., Strelkova A.A. (2025) Deepfake as a Challenge to Justice: How the Prosecutor's Office Ensures Legality in the Era of Synthetic Reality. *Social norms and practices*. No. 3. P. 44-54. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-44-54.

Введение

Развитие систем искусственного интеллекта открыло новые перспективы для разработки генеративного контента. Одним из наиболее распространенных инструментов создания синтетических видеороликов является технология deepfake. С одной стороны, данная технология активно используется в социально полезных целях: создание интерактивного контента в сфере бизнеса, маркетинга, рекламы; расширение возможностей киноиндустрии; внедрение в образовательные организации учебников с «оживающими» иллюстрациями; совершенствование видеоигр [Вахаева, Алисултанова, 2025: 183]. Например, пользователи российской социальной сети «Одноклассники» получили возможность использовать deepfake-технологии «Новый образ» для генерации новогодних открыток [Добробаба, 2022: 117]. Однако, с другой стороны, технологию deepfake начали активно применять злоумышленники для достижения преступных и иных асоциальных целей: мошенничество, публикация порнографических роликов, в которых лица участников заменяются лицами других людей без их разрешения, манипулирование общественным сознанием, формирование моральных паник. Например, в Дании опубликовали видео, созданное при помощи искусственного интеллекта, в котором премьер-министр сообщает об отмене Рождества и Пасхи и введении мусульманского

праздника¹.

Несмотря на то, что сегодня deepfake является достаточно распространенной технологией, доступной большинству пользователей систем генеративного искусственного интеллекта, еще не появилось устоявшееся определение данного понятия. В ряде случаев делается акцент только на технических особенностях, в частности, когда анализируемую технологию определяют как «реалистичную манипуляцию аудио-, фото- и видеоматериалами с помощью искусственного интеллекта для достижения максимального сходства с подлинными изображениями и звуковыми дорожками» [Цит. по: Виноградов, Кузнецова, 2024: 217]. На наш взгляд, это не совсем корректно. Более точными выглядят определения, в которых сочетаются технические и социальные особенности технологии. Например, И.А. Воронин и Д.П. Гавра определяют deepfake как «...опирающийся на технологии искусственного интеллекта целенаправленно созданный коммуникационный продукт (видео, фотографии, аудиозаписи и т.д.), направленный на формирование у целевых аудиторий фальсифицированного образа социального субъекта с целью получения выгоды или нанесения ущерба» [Воронин, Гавра, 2024: 35].

Таким образом, технология deepfake создает принципиально новую, «синтетическую» среду для совершения преступлений, бросая вызов традиционным механизмам правосудия. Целью настоящей статьи является анализ не только проблем квалификации и расследования таких деяний, но и выявление конкретных процессуальных и тактических инструментов, которые прокурор может и должен применять уже сегодня, в условиях формирующегося правового регулирования, для обеспечения законности. Ключевой вопрос заключается в том, как трансформируются методы работы надзирающего прокурора в эпоху, когда цифровые доказательства могут быть синтезированы, а реальность – сфальсифицирована.

Проблемы нормативного регулирования технологии deepfake в России

На данный момент в Российской Федерации нет отдельного законодательного акта, который всесторонне регулировал бы сферу deepfake-контента и защищал права граждан от преступных посягательств. Однако работа в данном направлении ведется. В Государственную Думу Российской Федерации внесен проект закона (от 16.09.2024 № 718538-8), цель которого – урегулировать вопросы, связанные с новыми технологическими реалиями. Документ предполагает расширение перечня квалифицирующих признаков в нескольких статьях Уголовного кодекса Российской Федерации – 128.1, 159, 159.3, 163, 165

¹ Политическая партия сняла фальшивое видео с премьер-министром. URL: https://www.nrk.no/norge/dansk-folkeparti-i-danmark-brukar-_deepfake_-av-statsminister-mette-frederiksen-i-video-1.16864556 (дата обращения: 02.12.2025).

(далее – УК РФ)¹. Законопроект предусматривает ответственность за преступления, совершенные: с применением изображений или голосовых записей (включая созданные искусственно или подвергшиеся фальсификации); посредством использования биометрических персональных данных любого лица, в том числе потерпевшего. В пояснительной записке к законопроекту отмечается неоднозначный статус изображений и голоса граждан: в определенных обстоятельствах они могут рассматриваться как биометрические персональные данные (и использоваться для идентификации личности), но в других случаях такого статуса не имеют. По состоянию на 27 октября 2025 года рассматриваемый законопроект находится в первом чтении². В настоящий момент Министерство цифрового развития РФ совместно с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и другими профильными федеральными ведомствами прорабатывает комплекс мер, направленных на введение обязательных правил по маркировке цифрового контента³.

Таким образом, на сегодняшний день законодательный вектор направлен не на создание отдельного «deepfake-состава», а на дифференциацию ответственности путем введения квалифицирующего признака «с применением технологий искусственного интеллекта для создания синтетических аудио-, видеоматериалов или изображений (deepfake)» в существующие составы преступлений УК РФ. Можно предположить, что даже если анализируемый законопроект не будет поддержан, появится другая законодательная инициатива, направленная на регулирование дипфейков, особенно в уголовно-правовой сфере, поскольку это необходимо для защиты прав и свобод граждан, законных интересов общества и государства. Однако пока не будут внесены изменения в законодательство, обязательства по защите граждан от действий злоумышленников, использующих технологию deepfake, должны выполняться в пределах наличествующих полномочий компетентных органов.

Особенности обеспечения законности расследования преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake

В процессе расследования преступлений, совершенных с использованием технологий deepfake, органы дознания и предварительного следствия сталкиваются со значительными трудностями из-за недостаточного нормативного регулирования и отсутствия технического обеспечения. Однако с каждым годом совершенствуется методика расследования данных преступлений.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Законопроект № 718538-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 25.11.2025).

³ Заклеймить для надзора: в России могут ввести маркировку ИИ-контента // Известия. URL: <https://iz.ru/1915604/sergei-guranov/zakleimit-dla-nadzora-v-rossii-mogut-vvesti-markirovku-ii-kontenta> (дата обращения: 03.12.2025).

После поступления сообщения о нарушении прав граждан при помощи дипфейков правоохранительные органы проводят специальные процессуальные действия по выявлению, изъятию и анализу цифровых следов. Для решения этих вопросов органы дознания и предварительного следствия назначают проведение комплексной компьютерно-технической и лингвистической экспертизы. Также в рамках пилотных проектов в некоторых подразделениях МВД РФ тестируется программное обеспечение, которое в реальном времени распознает дипфейки в социальных сетях и мессенджерах [Асадов, 2025: 25].

Кроме того, в МВД РФ разрабатываются и проходят апробацию методики, позволяющие распознавать и различать естественную речь и речь, сгенерированную искусственным интеллектом. В частности, на основе наработок в сфере проведения фоноскопических и автороведческих экспертиз конструируются новые методы, которые позволят с достаточно высокой степенью достоверности определять как сгенерированные тексты, так и синтезированную устную речь на фонограмме¹.

Необходимо учитывать и разработки для распознавания дипфейков, которые осуществляются в коммерческом секторе. Например, российская технология от компании ООО «VisionLabs» – Deepfake Detection² – активно используется для обнаружения дипфейков преимущественно для защиты интересов банков и иных финансовых организаций, СМИ, мобильных операторов, при проведении видеоконференций и пр. [Батоев, Руденко, 2025: 91]. Однако есть перспективы использования подобных технологий и в процессе выявления и расследования преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake. Впрочем, необходимо отметить, что использование специализированных программ для выявления дипфейков, особенно на текущем этапе развития данной технологии, не гарантирует надлежащего результата. В этой связи особое значение принимает прокурорский надзор за законностью расследования анализируемой категории преступлений и соблюдением прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства.

На основе полученных сведений о выявленных с помощью специализированного программного обеспечения дипфейках прокурор вправе применить свои надзорные полномочия. Он анализирует, насколько оперативно и квалифицированно органы дознания и предварительного следствия реагируют на такие инциденты, проверяет законность и своевременность возбуждения уголовных дел, назначения экспертиз и проведения процессуальных действий. В случае выявления нарушений прокурор применяет доступные ему меры прокурорского реагирования. Поскольку количество преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake, постоянно растет, данный

¹ Главный эксперт МВД раскрыл секреты расследования преступлений в сфере информационных технологий // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/document/36135939> (дата обращения: 03.12.2025).

² Deepfake Detection. URL: <https://visionlabs.ru/products/deepfake-detection?ysclid=miw8gmsot38317308> (дата обращения: 03.12.2025).

признак оперативно внесли в статистический учет данных о преступлениях. В частности, в справочник № 25-ГП «Предметы, устройства и другие средства, использованные при совершении преступлений» был включен специальный код – 049 («с использованием технологии дипфейк»)¹. Таким образом, теперь при регистрации преступлений, в которых применялись технологии deepfake, будет использоваться указанный код, что позволит систематизировать сведения об этом виде правонарушений.

Одной из важнейших задач надзирающего прокурора является проверка правильности квалификации преступления. Отсутствие специальной нормы о дипфейках не является непреодолимым препятствием для привлечения к ответственности, но серьезно затрудняет адекватную оценку общественной опасности деяния. В настоящее время действия злоумышленников квалифицируются по существующим статьям УК РФ, что зачастую не позволяет в полной мере учесть специфику, масштаб причиняемого вреда и повышенную сложность раскрытия таких преступлений. Обозначенное противоречие между фактической сложностью деяния и упрощенной юридической квалификацией обосновывает законодательную инициативу о введении квалифицирующих признаков. До ее принятия ключевая задача прокурора – добиваться, чтобы в рамках существующих составов обвинение максимально полно отражало использование технологии deepfake как отягчающее обстоятельство, влияющее на характер и степень общественной опасности деяния. Это закладывает основу для последующего единообразного использования новой нормы, когда таковая будет принята.

Чаще всего злоумышленники используют технологию deepfake в целях хищения имущества или приобретения права на чужое имущество, например, с помощью имитации голоса родственника обращаются с просьбой о срочном денежном переводе или используют технологию для получения страховых выплат. Чаще всего мошенниками используются фразы «Мама/папа, я в беде, срочно нужны деньги», «У меня проблемы, помоги», «Это срочно, переведи на эту карту»². Подобные деяния квалифицируются по ст. 159 УК РФ.

Кроме того, дипфейки активно используют для совершения преступления, предусмотренного статьей 163 УК РФ. Синтетический контент применяется для шантажа и угроз с целью получения материальной выгоды.

Также злоумышленники активно обращаются к технологии deepfake в целях умышленного причинения ущерба чести, достоинству и деловой репутации человека. Такие деяния квалифицируются по ст. 128.1 УК РФ³. Важно

¹ О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре: Приказ Генпрокуратуры России от 09.12.2022 № 746 // Законность. 2023. № 2.

² Названы фразы, выдающие использующих дипфейки мошенников. URL: <https://ria.ru/20251110/mvd-2053911179.html?ysclid=mir31elq4d429023096> (дата обращения: 03.12.2025).

³ Цифровой обман: какие права нарушают дипфейки и как за это можно наказать. URL: <https://pravo.ru/story/249733/> (дата обращения: 03.12.2025).

отметить, что до 18 июня 2025 года уголовные дела о клевете без квалифицирующих признаков относились к делам частного обвинения, но использование deepfake для распространения сведений, содержащих клевету, трансформирует природу и общественную опасность этого деяния, что напрямую оправдывает усиление роли государства в расследовании и поддержании обвинения [Ефремова, Русскевич, 2024: 101]. По делам частного обвинения бремя доказывания лежит на потерпевшем, но установление факта использования дипфейка, идентификация его создателя, который может использовать средства анонимизации, требуют применения специальных технических знаний и проведения комплексных судебных экспертиз. Частное лицо не обладает ни доступом к необходимым инструментам, ни полномочиями по истребованию доказательств у интернет-провайдеров и платформ. Эта задача под силу только органам предварительного расследования под надзором прокурора.

Примирение в делах о клевете с использованием технологии deepfake может носить формальный или вынужденный характер. Законодатель, устранив возможность прекращения дела за примирением, подчеркивает публичную потребность в установлении истины и назначении наказания вне зависимости от волеизъявления потерпевшего, который мог стать жертвой шантажа или давления. Поэтому, на наш взгляд, появление технологии deepfake сыграло не последнюю роль в переходе анализируемого преступления из категории частных в частно-публичные.

Одним из наиболее опасных случаев использования дипфейков в преступных целях, по нашему мнению, является ситуация, когда осуществляется перенос лица человека (FaceSwap) в материалы порнографического содержания без его согласия (квалификация по ст. 242 УК РФ) [Ефремова, Русскевич, 2024: 100].

В каждом конкретном случае прокурор должен убедиться, что органами предварительного расследования в полной мере установлен умысел виновного лица и доказано наличие причинно-следственной связи между использованием deepfake-контента и наступившими вредными последствиями.

Самый важный аспект при расследовании анализируемой категории преступлений – это работа с цифровыми доказательствами. Прокурор осуществляет надзор за тем, чтобы органы предварительного расследования корректно использовали полномочия по назначению комплексных судебных экспертиз. Для выявления deepfake-контента требуется привлечение экспертов в области информационных технологий и цифровой криминалистики, которые могут обнаружить такие признаки дипфейков, как неестественная мимика, дефекты речи, графические несоответствия и так далее. Однако, как отмечают Н.Ф. Бодров и А.К. Лебедева, навыков выявления подобных признаков недостаточно; эксперт может прийти к выводу о том, что невозможно решить задачу, из-за слабого методического обеспечения производства экспертиз, направленных на выявление сгенерированного контента. «Таким образом, на данном этапе методического развития судебной экспертизы граждан

фактически лишается возможности доказать факт того, что нарушающий его права цифровой продукт является дипфейком» [Бодров, Лебедева, 2023: 47]. Чтобы этого не произошло, надзирающий прокурор должен особенно тщательно проверять обоснованность и полноту поставленных перед экспертами вопросов.

Помимо этого, также проверяется, соблюдался ли порядок изъятия и обеспечения сохранности цифровых носителей информации. Любое нарушение цепочки custody (непрерывности владения доказательством) может привести к признанию доказательств недопустимыми.

Немаловажным фактором также является проверка того, принимались ли меры по установлению всех соучастников, включая не только создателей и распространителей дипфейков, но и лиц, предоставивших биометрические данные для его создания, если они действовали умышленно.

Особое внимание прокурор должен уделять защите прав лиц, чьи изображения или голоса были использованы при создании deepfake-контента. В частности, в процессе осуществления надзорной деятельности за законностью производства предварительного расследования, необходимо, чтобы органы дознания и предварительного следствия установили все нарушенные права потерпевших: право на изображение, голос, неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство и др. Прокурор выясняет, разъяснялось ли потерпевшим их право на предъявление гражданского иска о компенсации морального вреда и возмещении убытков, принимались ли меры к удалению противоправного контента из информационного пространства, в том числе путем направления соответствующих требований к владельцам сайтов и хостинг-провайдерам [Асадов, 2025: 26].

Необходимо отметить, что органы прокуратуры для борьбы с неправомерным использованием технологии deepfake используют не только полномочия в сфере надзора за законностью производства предварительного расследования, но и иные полномочия. Так, например, весной 2025 года прокуратура Центрального административного округа города Москвы подала исковое заявление в суд с требованием заблокировать Интернет-ресурс (сайт), который незаконно использовал технологии искусственного интеллекта для изменения голоса обычных людей на голоса политиков (например, Владимира Путина, Дональда Трампа), героев мультфильмов и т.д. Основные аргументы прокуратуры в пользу блокировки данного сайта основывались на том, что, во-первых, распространение подобного контента нарушает положения Федерального закона «О противодействии терроризму»¹. Во-вторых, рассматриваемые технологии изменения речи могут привлечь мошенников и «подсказать» им еще один способ обмана граждан, например, путем замены голоса злоумышленника на голос знакомого гражданину человека в телефонном разговоре. Учитывая обоснованность данных аргументов, суд удовлетворил

¹ Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

исковые требования прокуратуры¹. Можно предположить, что данная практика будет масштабирована региональными прокуратурами.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что обеспечение законности в эпоху синтетической реальности фактически формирует новое направление в прокурорской деятельности – «цифровой прокурорский надзор». Он основан на активном, квалифицированном, технологически осмысленном надзоре за исполнением законов, соблюдением прав граждан, законностью процессуальной деятельности органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие, и иных поднадзорных объектов. На наш взгляд, наиболее оперативные и эффективные решения сегодня требуются в сфере цифрового надзора за исполнением законов органами предварительного расследования, которые вынуждены работать с «синтетическими посягательствами», связанными с применением технологии deepfake.

Предложения о внесении изменений в УК РФ, связанных с включением в ряд статей квалифицирующего признака в случаях совершения преступлений с использованием дипфейков, определяют стратегию прокурорского надзора за законностью расследования таких преступлений. Можно предположить, что в ближайшей перспективе прокурорам придется одновременно решать две ключевых задачи: обеспечивать законность квалификации и расследования преступлений, совершенных с использованием технологии deepfake, опираясь на действующие нормы, и закладывать процессуальную основу для будущего корректного применения новых норм. Для решения таких задач прокурорам уже сейчас необходимо хорошо понимать основы цифровой криминалистики, а также формировать навыки профилактики правонарушений в синтетической реальности с использованием надзорных полномочий.

Список литературы (References)

1. Асадов Р.Б. Цифровая мимикрия: защита прав личности от противоправного применения дипфейк-технологий // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 26-27. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.75462.

Asadov R.B. (2025) Digital Mimicry: Protecting Personal Rights from the Illegal Use of Deepfake Technologies. *Police and Investigative Activity*. No. 4. P. 26-27. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.75462. (In Russ.).

2. Батоев В.Б., Руденко А.В. О детекции дипфейков, используемых в преступной деятельности // Юрист-Правоведь. 2025. № 1 (112). С. 87-94. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005.

¹ Суд в Москве запретил сайт с ИИ, позволяющим говорить голосами Трампа и Синатры. URL: <https://www.vesti.ru/article/4450085> (дата обращения: 25.11.2025).

Batoev V.B., Rudenko A.V. (2025) On the Identification of Deepfakes Used in Criminal Activity. *Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal*. No. 1 (112). P. 87-94. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005. (In Russ.).

3. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. № 4. С. 42-55.

Bodrov N.F., Lebedeva A.K. (2023) Criminal, legal and forensic aspects of countering the spread and use of deepfakes in the Russian Federation. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow*. No. 4. P. 42-55. (In Russ.).

4. Вахаева Д.А., Алисултанова И.А. Проблемы и преимущества использования дипфейков в эпоху искусственного интеллекта // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025. № 5 (158). С. 180-187. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.09.021.

Vakhaeva D.A., Alisultanova I.A. (2025) Problems and advantages of using deepfakes in the era of artificial intelligence. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. No. 5 (158). P. 180-187. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.09.021. (In Russ.).

5. Виноградов В.А., Кузнецова Д.В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. № 2. С. 215-240. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.

Vinogradov V.A., Kuznetsova D.V. (2024) Foreign Experience in Legal Regulating Deepfake Technology. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 17. No. 2. P. 215-240. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240. (In Russ.).

6. Воронин И.А., Гавра Д.П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // *Российская школа связей с общественностью*. 2024. № 33. С. 28-47. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-28-47.

Voronin I.A., Gavra D.P. (2024) Deepfakes: modern understanding, approaches to definition, characteristics, problems and prospects. *Russian School of Public Relations*. No. 33. P. 28-47. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-28-47. (In Russ.).

7. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // *Lex russica*. 2022. № 11. С. 112-119. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>.

Dobrobaba M.B. (2022) Deepfakes as a Threat to Human Rights. *Lex russica*. No. 11. P. 112-119. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>. (In Russ.).

8. Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2024. № 2 (56). С. 97-105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13.

Efremova M.A., Russkevich E.A. (2024) Deepfake And Criminal Law. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. No. 2 (56). P. 97-105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13. (In Russ.).

9. Петрова А.А. Проблема правового регулирования дипфейков // Управление организационно-экономическими системами: сборник трудов научного семинара студентов и аспирантов института экономики и управления. 2023. № 23. С. 243-247.

Petrova A.A. (2023) The problem of legal regulation of deepfakes. *Management of organizational and economic systems: Proceedings of the scientific seminar of students and postgraduates of the Institute of Economics and Management*. No. 23. P. 243-247. (In Russ.).

Сведения об авторах

Веселова Анастасия Олеговна – студент, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

E-mail: veselova20020@bk.ru

Стрелкова Анастасия Антоновна – студент, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

E-mail: n.strelkova2017@yandex.ru

About the authors

Veselova Anastasia Olegovna – student, the Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

E-mail: veselova20020@bk.ru

Strelkova Anastasia Antonovna – student, the Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

E-mail: n.strelkova2017@yandex.ru

Поступила 03.12.2025; одобрена после рецензирования 21.12.2025; принята к публикации 26.12.2025.

Submitted 03.12.2025; revised 21.12.2025; accepted 26.12.2025.

УДК 343

DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-55-62

А. С. Кожанов

Академия управления и производства,
Москва, Россия, e-mail: Kozhanoffloko@gmail.com

ЗАДАЧИ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Вопросы, касающиеся назначения и проведения криминалистических исследований огнестрельного оружия, боеприпасов и следов выстрела, традиционно сохраняют свою актуальность в современной криминалистике. Факты криминального применения оружия требуют обязательного привлечения в процесс расследования преступлений специальных познаний, в том числе в форме производства судебно-баллистической экспертизы. Результаты данной экспертизы приобретают важное информационное и доказательственное значение, служат основанием для выдвижения и проверки следственных версий, позволяют устанавливать конкретные обстоятельства расследуемого преступления, способствуют изобличению преступника. В этой связи следователю необходимо знать возможности судебно-баллистической экспертизы, решаемые ею задачи, типовые ситуации, требующие назначения судебно-баллистической экспертизы. Не менее важно правильное и объективное использование следователем заключения эксперта в доказывании обстоятельств применения огнестрельного оружия. Необоснованное игнорирование выводов эксперта препятствует уяснению сущности расследуемого события и установлению доказательственного значения фигурирующих в деле вещественных доказательств.

Ключевые слова: судебно-баллистическая экспертиза, огнестрельное оружие, боеприпасы, заключение эксперта, обстоятельства применения огнестрельного оружия, экспертная задача, баллистические исследования, следственная версия, вещественное доказательство.

Ссылка для цитирования: Кожанов А.С. Задачи и значение судебно-баллистической экспертизы в расследовании преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия // Социальные нормы и практики. 2025. № 3. С. 55-62. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-55-62.

A. S. Kozhanov

Academy of Management and Production,
Moscow, Russia, e-mail: Kozhanoffloko@gmail.com

OBJECTIVES AND SIGNIFICANCE OF FORENSIC BALLISTICS EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF FIREARM-RELATED CRIMES

Issues concerning the purpose and conduct of forensic examinations of firearms, ammunition, and gunshot residue remain relevant in contemporary forensic science. The criminal use of firearms necessitates the involvement of specialized expertise in the investigation process, including forensic ballistics examination. The results of such examinations have significant informational and evidentiary value, form the basis for developing and verifying investigative leads, enable the establishment of specific circumstances of the crime, and facilitate the identification of the perpetrator. Therefore, the investigator must be familiar with the capabilities of forensic ballistics examinations, the tasks it solves, and the typical situations requiring a forensic ballistic examination. Equally important is the investigator's correct and objective use of the expert's report in proving the circumstances of the use of a firearm. Unjustified disregard for the expert's findings hinders the understanding of the essence of the event under investigation and the establishment of the evidentiary value of the material evidence involved in the case.

Keywords: forensic ballistics examination, firearms, ammunition, expert report, circumstances of firearm use, expert task, ballistic studies, investigative version, physical evidence.

For citation: Kozhanov A.S. (2025) Objectives and Significance of Forensic Ballistics Examination in the Investigation of Firearm-Related Crimes. *Social norms and practices*. No. 3. P. 55-62. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-3-55-62.

Введение

Огнестрельное оружие всегда являлось особым объектом криминалистических исследований. Способ совершения многих насильственных преступлений (убийств, причинения вреда здоровью, разбойных нападений, хулиганства и др.) включает в качестве специфического средства посягательства применение огнестрельного оружия. Учитывая данную особенность, уголовное законодательство применительно к различным составам преступлений вводит такой квалифицирующий признак, как вооруженность. Наряду с этим огнестрельное оружие нередко попадает в сферу незаконного обращения, само становясь предметом преступного посягательства, способствуя совершению насильственных преступлений¹.

Следствием широкого распространения огнестрельного оружия в криминальной практике, важности использования сведений о нем в процессе доказывания по уголовным делам стало формирование и развитие самостоятельного вида криминалистических исследований огнестрельного

¹ Бычков В.В. Криминальный оборот оружия и боеприпасов: понятие, квалификация и расследование: учебное пособие. М., 2015. С. 3-5.

оружия, боеприпасов к нему и следов их применения, проводимых следователем при производстве некоторых следственных действий, специалистом и экспертом¹. В последнем случае имеет место процессуальная форма проведения соответствующих исследований, осуществляемая экспертом, – судебно-баллистическая экспертиза.

Материалы и методы

Первым в России вопросы исследования огнестрельного оружия (идентификации оружия по следам на пулях и гильзах) еще в 1915 году поднял С.Н. Трегубов [Трегубов, 1915]. Большой вклад в отечественную судебную баллистику на различных этапах ее развития сделан в трудах ряда известных исследователей: «Аверьяновой Т.В., Алексеева Н.С., Александрова А.И., Бастрыкина А.И., Белкина Р.С., Бурдановой В.С., Быкова В.М., Вандера М.Б., Винберга А.И., Возгина И.А., Волженкина Б.В., Даева В.Г., Колдина В.Я., Крылова И.Ф., Кустановича С.Д., Лаврова В.П., Лукашевича В.З., Лысенко В.В., Пинчука В.И., Плескачевского В.М., Подшибякина А.С., Рохлина В.И., Россинской Е.Р., Сальникова В.П., Устинова А.И., Червакова В.Ф., Шимановского В.В., Эксархопуло А.А., Элькинд П.С.» [Владимиров, 2002: 15] и др.

Несмотря на то, что многие теоретические вопросы и наиболее значимые практические аспекты, связанные с использованием возможностей судебно-баллистической экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений, глубоко исследованы, современные возможности и содержание криминалистических исследований огнестрельного оружия, иных объектов баллистической природы в силу их многогранности и сложности нуждаются в дальнейшем изучении с позиции расширения направлений использования результатов судебно-баллистической экспертизы по отдельным категориям уголовных дел и в различных следственных ситуациях, разработки новых рекомендаций по определению доказательственного значения заключения эксперта. Требуют дальнейшей конкретизации и уточнения методики формулирования и оценки выводов эксперта, проводившего судебно-баллистическую экспертизу.

Решение обозначенных проблем представляется актуальным и важным как с теоретической, так и с практической точек зрения. Полученные результаты научных исследований, касающихся определения направлений, условий, закономерностей процесса использования возможностей судебно-баллистической экспертизы в расследовании преступлений, необходимы для разработки тактических и методических рекомендаций в криминалистике. Знание следователем возможностей судебно-баллистической экспертизы служит повышению эффективности работы по назначению данной экспертизы, правильной формулировке вопросов эксперту, точной оценке сделанных экспертом выводов.

¹ Криминалистическая техника: учебник / отв. ред. Н.М. Балашов. М., 2002. С. 241.

Изучение вопросов теории и практики судебно-баллистической экспертизы требует применения апробированных современных методов познания при ведущей роли материалистической диалектики. В этой связи были использованы логические методы, а также методы системного, структурного, деятельностного, информационного анализа, прогнозирования, изучения следственной и экспертной практики.

Изучение проблемы

Информационное и доказательственное значение результатов судебно-баллистической экспертизы в расследовании уголовных дел, связанных с применением огнестрельного оружия, не вызывает сомнений. Своевременно и профессионально проведенная судебно-баллистическая экспертиза предоставляет в распоряжение следственных органов весьма ценные сведения для установления сущности, механизма криминального события¹.

На практике с заключением эксперта, проводившего судебно-баллистическую экспертизу, часто связаны возможность получить решающую для расследования преступления информацию либо, наоборот, вероятность допустить невосполнимую утрату крайне важных сведений о расследуемом событии и лице, причастном к его совершению.

Во многих случаях результаты проведенного исследования огнестрельного оружия позволяют решить вопрос о необходимости возбуждения уголовного дела, сформировать требуемую совокупность доказательств, подтверждающих причастность конкретного лица к совершению преступления, убедить судебные органы в факте использования оружия в преступных целях и т.д.

Судебно-баллистическая экспертиза исследует специфические объекты (предметы материального мира, источники сведений, носители информации), определяющие видовую принадлежность экспертного исследования [Аверьянова, 2006: 205-206]. Объектами судебно-баллистической экспертизы выступают: ручное огнестрельное оружие, отдельные его части и принадлежности; боеприпасы (патроны, гильзы, пули, дробь, картечь), их использованные и неиспользованные части; средства и материалы, используемые для изготовления огнестрельного оружия и боеприпасов; предметы со следами применения огнестрельного оружия; предметы со следами хранения огнестрельного оружия и боеприпасов². Следует признать обоснованным отнесение к числу объектов судебно-баллистической экспертизы материалов уголовных дел (протоколов осмотра места происшествия и осмотра самого оружия, следственного эксперимента, обыска и выемки, в процессе которых производились обнаружение и изъятие вещественных доказательств, фотоснимков и схем места происшествия, заключений судебно-медицинских и иных экспертиз) [Россинская, 2005: 354]. Указанные материалы могут содержать

¹ Аханов В.С. Криминалистическая экспертиза огнестрельного оружия и следов его применения. Учебник для вузов МВД СССР. Волгоград, 1979. С. 7.

² Криминалистическая техника: учебник / отв. ред. Н.М. Балашов. М., 2002. С. 242.

важную информацию, необходимую эксперту для проведения исследования.

Изучение и обобщение практики совершения и раскрытия преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, позволяет выделить, как минимум, шесть основных групп задач судебно-баллистической экспертизы, которые связаны как с исследованием непосредственно вещественных доказательств баллистической природы, так и обстоятельств их возникновения.

1. Исследование свойств и состояний огнестрельного оружия и боеприпасов.

Огнестрельное оружие, отдельные его части и принадлежности, боеприпасы, их использованные и неиспользованные части нередко фигурируют в качестве вещественных доказательств по делам об убийствах, разбойных нападениях, незаконном обороте оружия и др. Соответственно, криминалистическое исследование данных объектов позволяет установить признаки объективной стороны преступления (если огнестрельное оружие использовалось в качестве средства совершения посягательства), предмет преступления (в действиях по незаконному обороту оружия).

В результате судебно-баллистической экспертизы устанавливаются многие интересующие следователя характеристики оружия, представленного на исследование (вид, система (модель) оружия, способ его изготовления, назначение, скорострельность, убойная сила, особенности конструкции и эксплуатации и др.). В отношении кустарно изготовленного и переделанного оружия эксперт решает вопрос о его относимости к огнестрельному оружию, руководствуясь необходимыми признаками [Плескачевский, 2001: 43-48].

В рамках обозначенной группы задач проводятся идентификационные исследования, нацеленные на установление видовой и групповой принадлежности объектов исследования, а также индивидуально-конкретного тождества и целого по частям¹.

Установление видовой (групповой) принадлежности огнестрельного оружия по стреляным пулям и гильзам, обнаруженным на месте преступления или у подозреваемого, необходимо для определения: 1) относимости устройства к огнестрельному оружию; 2) вида, системы огнестрельного оружия; 3) источника происхождения различных объектов (компонентов боеприпасов и др.).

Установление индивидуально-конкретного тождества, как правило, имеет наибольшую криминалистическую значимость, поскольку связано с определением по выстреленным пулям и гильзам конкретного экземпляра огнестрельного оружия, использованного при совершении преступления.

Специфические задачи решаются при установлении экспертом целого по частям (например, принадлежат ли пули и гильзы к одному патрону или две части ствола огнестрельного оружия к одному стволу – при исследовании обрезков).

¹ Мишин А.В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу: учебное пособие. Казань, 2017. С. 59.

2. Исследование следов применения огнестрельного оружия и боеприпасов.

В криминалистике следами применения огнестрельного оружия или следами выстрела (в широком смысле) считаются стреляные снаряды (пули, дробь, картечь); пыжи, гильзы; следы частей оружия на снарядах; частицы веществ, образующих порох, иное взрывчатое вещество, смазку, копоть; изменения на различных предметах (преградах) и теле человека (животных), произошедшие в результате выстрела; звук, пламя и иные факторы выстрела¹.

Изучение перечисленных видов следов позволяет судить как о самом факте применения огнестрельного оружия, так и о действиях конкретного лица с оружием, об особенностях оружия и снаряда, которым причинено повреждение на преграде.

По свойствам поврежденных тканей и особенностям костных отверстий в теле человека в результате проведения комплексных баллистических и судебно-медицинских исследований может быть установлен вид оружия, из которого причинено огнестрельное повреждение².

3. Уяснение обстановки и механизма расследуемого события, связанного с использованием огнестрельного оружия.

В рамках обозначенной группы задач судебно-баллистической экспертизы выясняется, было ли именно огнестрельное оружие орудие совершения преступления, какое количество выстрелов было произведено на месте преступления, в каком направлении и с какого места и расстояния были произведены выстрелы, не рикошетиговала ли пуля при конкретном выстреле, совершено ли убийство в том месте, где обнаружен труп, или в другом месте, какова была поза потерпевшего в момент выстрела и т.д.³

При благоприятных условиях возможно установление давности выстрела (хотя и в отношении ограниченного круга объектов и в ограниченных временных интервалах) и последовательности причинения огнестрельных повреждений.

4. Установление иных обстоятельств, имеющих отношение к факту неправомерного применения огнестрельного оружия.

Результаты судебно-баллистической экспертизы позволяют установить личность преступника и способствуют его изобличению. Для решения этой задачи особенно важно установить оружие, из которого был произведен выстрел, и определить, кому это оружие принадлежит, кто им пользовался в конкретной ситуации и т.д.

5. На основании данных, полученных в результате судебно-баллистической экспертизы, следователь может выдвигать и проверять версии о

¹ Русаков М.Н. Криминалистическое исследование оружия и следов его применения: учебное пособие. Омск, 1981. С. 44.

² Черваков В.Ф. Очерки судебной баллистики: пособие для следователей. М., 1953. С. 115.

³ Справочник следователя. Выпуск 3. Практическая криминалистика: подготовка и назначение судебных экспертиз. М., 1992. С. 74.

характере происшедшего события, способе совершения преступления, об участниках преступления и др. [Ермолович, Ермолович, 2000: 10].

По конкретному делу могут быть выдвинуты как общие версии (в частности, о том, что смерть потерпевшего наступила от ранения, причиненного огнестрельным оружием), так и частные версии (о месте, времени, других обстоятельствах применения огнестрельного оружия и т.д.).

С помощью судебно-баллистической экспертизы могут быть разоблачены организованные преступниками инсценировки, когда виновный с целью скрыть совершенное преступление и избежать ответственности за него инсценирует нападение или покушение на убийство и наносит себе огнестрельное повреждение, выдавая его за ранение, нанесенное посторонним лицом. С этой целью эксперт выявляет и изучает следы близкого выстрела на теле потерпевшего¹.

б. Установление обстоятельств, которые способствовали совершению преступления. В частности, экспертом могут быть выявлены конструктивные недостатки огнестрельного оружия, влекущие несчастные случаи при стрельбе; особенности технических средств, материалов, технологий, которые могут использоваться для самодельного изготовления оружия, и др.

Выводы

Итак, по делам о преступлениях, связанных с применением огнестрельного оружия, проведение судебно-баллистической экспертизы является одним из важнейших и обязательных следственных действий, а заключение эксперта – значимым источником доказательственной информации.

В рамках судебно-баллистической экспертизы эксперт на основании научных знаний с использованием специальных методик и лабораторного оборудования исследует представленные ему объекты и разрешает поставленные перед ним следователем вопросы, связанные с применением ручного огнестрельного оружия в криминальных целях.

На современном этапе своего развития судебно-баллистическая экспертиза, используя знания из области общей и судебной баллистики, физики, химии и иных технических наук, предоставляет следователю широкие возможности познания материальных объектов и обстоятельств их возникновения, а ее результаты активно применяются в поисковой и доказательственной деятельности по делам о преступлениях, связанных с огнестрельным оружием.

Список литературы (References)

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. Москва: Норма, 2006.

Averianova T.V. (2006) Forensic Examination: General Theory Course.

¹ Черваков В.Ф. Очерки судебной баллистики: пособие для следователей. М., 1953. С. 163.

Moscow: Norma Publ. (In Russ.).

2. Владимиров В.Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения: дис. д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002.

Vladimirov V.Yu. (2002) Theory and Practice of Forensic Weapons Science. Thesis for the degree of Doctor of Law Sciences. St. Petersburg. (In Russ.).

3. Ермолович В.Ф., Ермолович М.В. Построение и проверка версий. Минск: Амалфея, 2000.

Ermolovich V.F., Ermolovich M.V. (2000) Construction and Verification of Versions. Minsk: Amalfeya Publ. (In Russ.).

4. Плескачевский В.М. Оружие в криминалистике: понятие и классификация. Москва: Спарк, 2001.

Pleskachevsky V.M. (2001) Weapons in Forensic Science: Concept and Classification. Moscow: Spark Publ. (In Russ.).

5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Москва: Норма, 2005.

Rossinskaya E.R. (2005) Forensic Examination in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Proceedings. Moscow: Norma Publ. (In Russ.).

6. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право», 1915.

Tregubov S.N. (1915) Fundamentals of Criminal Techniques. Scientific and Technical Methods of Crime Investigation. Petrograd: Legal Book Warehouse "Pravo" Publ. (In Russ.).

Сведения об авторе

Кожанов Александр Сергеевич – магистрант, Академия управления и производства.

E-mail: Kozhanoffloko@gmail.com

About the author

Kozhanov Alexander Sergeevich – undergraduate, Academy of Management and Production.

E-mail: Kozhanoffloko@gmail.com

Поступила 15.12.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 26.12.2025.

Submitted 15.12.2025; revised 25.12.2025; accepted 26.12.2025.

Сетевой электронный научный журнал

Социальные нормы и практики / Social norms and practices

2025. Номер 3.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Главный редактор: Е.А. Коваль

Информацию о журнале «Социальные нормы и практики» см. на сайте:
<https://snpractice.ru/>